

• Одесса 1940 г. •

ИРИНА ЛЮБУСОВА

Простив Виктора Барга, Зинаида Крестовская начинает вести спокойную, почти семейную жизнь. Работа в институте, пусть и нелюбимая, рядом мужчина, за которого она так боролась, — разве этого мало? Но Зина вдруг начинает понимать, что это все не для нее, что ей нужен риск, адреналин. И неожиданно она это получает с избытком. Новое дело, которое Крестовская расследует уже как полноценный сотрудник НКВД, не просто опасно, оно смертельно опасно. Ей предстоит снова столкнуться с секретными разработками НКВД, который, как известно, не останавливался ни перед чем...

• ЗДЕЙ СВАРОГА •

Зинаида Крестовская

Ирина Лобусова

Змей Сварога

«ОМІКО»

2020

УДК 821.161.1(477)

Лобусова И. И.

Змей Сварога / И. И. Лобусова — «ОМКО», 2020 — (Зинаида Крестовская)

Простив Виктора Барга, Зинаида Крестовская начинает вести спокойную, почти семейную жизнь. Работа в институте, пусть и нелюбимая, рядом мужчина, за которого она так боролась, – разве этого мало? Но Зина вдруг начинает понимать, что это все не для нее, что ей нужен риск, адреналин. И неожиданно она это получает с избытком. Новое дело, которое Крестовская расследует уже как полноправный сотрудник НКВД, не просто опасно, оно смертельно опасно. Ей предстоит снова столкнуться с секретными разработками НКВД, который, как известно, не останавливался ни перед чем...

УДК 821.161.1(477)

© Лобусова И. И., 2020

© ОМКО, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	36
Глава 7	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

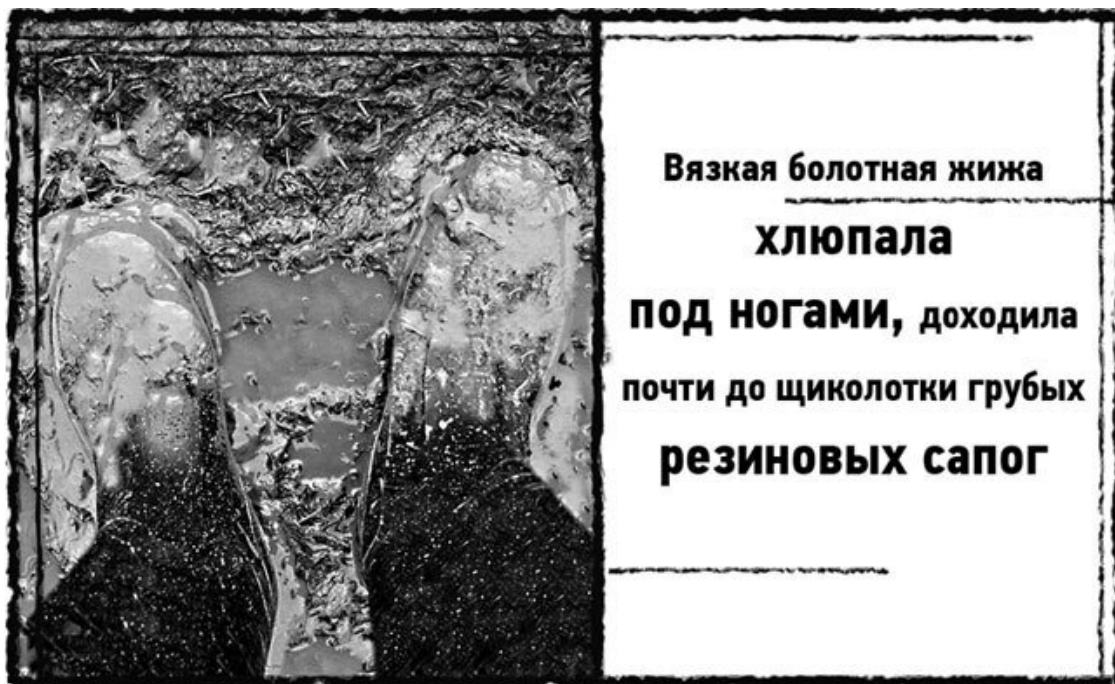
Ирина Лобусова

Змей Сварога

© И. И. Лобусова, 2020

© Издательство «Фолио», 2018

Глава 1

Село Чобручи, левый берег Днестра, 25 марта 1940 года

Камыши остались за спиной почти сразу, как только он изменил направление. Несколько шагов вперед вдоль едва различимой тропы – и их острые наконечники остались за спиной как сломанные копья судьбы. Впрочем, с каждым днем о своей судьбе ему хотелось думать все меньше и меньше.

Вязкая болотная жижа хлюпала под ногами, доходила почти до щиколоток грубых резиновых сапог, с которыми он не расставался ни днем, ни ночью. На самом деле эти сапоги были ему отвратительны. Он, тонкий светский человек, любивший дорогие вещи, изысканные вина, элегантные духи, шелковое постельное белье, был вынужден жить в каком-то хлеву, с чавкающей болотной жижей под ногами. И вместо элегантной обуви таскать эти отвратительные сапоги – то резиновые, то кирзовые, в зависимости от обстоятельств. К кирзовым прилипали комья навоза, когда он ходил по селу. И если б не долгие годы тренировок, научившие подавлять в себе все человеческие чувства, он выдал бы себя в тот же самый первый момент, когда увидел эти отвратительные сапоги. Сапоги, которые были неотъемлемой частью его цели.

Впрочем, дело было не только в них, а еще в километрах разбитых дорог и в той цели, которая всё гнала и гнала его вперед, лишая покоя, заставляя менять судьбу, отказываться от привычных удобств и жертвовать своей жизнью. Иногда по ночам ему казалось, что он превращается в какой-то железный механизм и словно заживо покрывается чудовищным панцирем, какой-то крокодильей кожей. Это осознание приходило к нему в ночных кошмарах, ввергающих в ледяной пот отчаяния, живым – человеческим – чувством, терзающим его душу.

Тогда, чтобы избавиться от этих кошмаров, он стал заполнять ночи таким же живым теплом тела женщины – все равно какой. До тех пор, пока не понял, что от собственной неразборчивости скатывается в еще большую пропасть. Живой человек рядом не помогал. Оставалось только жить приближением к той цели, высчитывая часы и дни, уговаривая себя, что остаются считанные дни мучений, а значит, не придется терпеть больше.

Хуже всего были эти переходы по ночам. Как он боялся в те первые дни – до спазм, до пота! Панически боялся заблудиться, не найти дорогу в камышах, утонуть в Днестре, захлебнуться в черной зловонной жиже у берегов, кишасей пиявками и змеями... Узкие, остролистые стебли камыша представлялись ему палачами, обнажившими оружие для свершения мучительной казни. А от этого шороха камышей по ночам волосы на его голове вставали дыбом.

Он отчетливо запомнил ту первую ночь, когда сам, без проводника, впервые пошел к тайнику, положившись на собственную интуицию и сноровку. И как он заблудился почти сразу, а потом совершил абсолютно непростительный поступок – и для его дела, и для его жизни: заблудившись, он впал в панику и потерял над собой контроль, услышав зловещий шорох среди камышей. Пытаясь понять причину шороха, он раздвинул камыши голыми руками, порезав при этом их острыми стеблями осоки. А дальше – совершил то, что было запрещено: дрожащими пальцами достал из прорезиненной ткани плаща крошечный фонарик и включил его – на всю мощь.

Острые лучи света прорезали окружавшую его тьму и разделили ее на две части, высветив застывшие в воде камыши. И там, где жижа представляла собой грунт чуть более твердый, вдруг мелькнуло черное извилистое устрашающе гибкое тело змеи... Оно скользнуло среди камышей и снова издало тот пугающий, растревоживший всю его душу звук...

Шорох заставил нарушить инструкцию и включить фонарик, а это был почти смертный приговор в сплошной темноте, на земле, которая просматривалась румынами.

Змея, он уже понял, что это была змея, тоже замерла, словно прислушиваясь к истерическим спазмам его дыхания. Конечно, так быть не могло, он прекрасно знал, что змеи глухие. Но все-таки это в глухой ночи выглядело устрашающе. Может, она почувствовала колебания воздуха, особый жар отчаяния, ярости или страха, исходящие от его тела, или же энергии – чужеродной и враждебной в этих камышах. На мгновение змея замерла, явно почувствовав его присутствие, а затем, извернувшись всем своим отвратительным телом, быстро ускользнула прочь, в темноту...

Он замер от ужаса и отвращения. С самых ранних лет он больше всего на свете боялся змей, считая их порождением чего-то дьявольского... ну... извращенного. Будучи человеком нерелигиозным, уже в зрелые годы, во время курса научного атеизма в институте узнал, что в христианстве змея считается признаком первородного греха, порождением дьявола и сатанинским отродьем. Он буквально поразился тому, как точно восприняла его душа этот темный смысл древних легенд, пришедших из таинств воплощенного ужаса. С тех пор он еще больше возненавидел змей. И даже в зоопарке, давно, в прошлой жизни, когда гулял со своим маленьким сыном, обходил стороной вольеры террариума, где содержались змеи.

Но он никогда не видел змей так близко. Это было впервые в его бурной, опасной жизни. И он хорошо запомнил то чувство ужаса, охватившее его с головой, от которого хотелось бежать прочь, не разбирая дороги... И только колоссальным усилием железной воли он заставил себя оставаться на месте и прочь гнать панику. Прочь – туда, где ломаются слабаки, а не люди, своей волей способные противостоять целым империям.

После этого он еще несколько раз видел в камышах змей. И каждый раз они замирали при его появлении, а потом бросались от него. И все это время, раз за разом, он по-прежнему испытывал жуткое чувство – смесь ужаса и отвращения, а потом нечеловеческим усилием воли заставлял себя двигаться вперед, осознавая, что никогда не сможет привыкнуть к этому жуткому зрелищу...

Здесь, на левом берегу Днестра, в камышах было полно змей. До румынского Тирасполя было всего 22 километра, и близость границы с Румынией делала эти места невероятно опасными. По сравнению с этой реальной опасностью неядовитые змеи Днестра казались всего лишь детской игрушкой. А потому он больше не рисковал собственной жизнью и не включал

фонарик – предпочитал двигаться на ощупь, среди этих ужасных змей, в темноте, а не становиться отличной мишенью для румынского снайпера, подставляя не только свою голову, но и общее дело, ради которого терпел столько лишений.

Где-то на третью ночную вылазку в камышах он сумел отчетливо запомнить эту обманную тропу, проложенную возле самого берега так хитро, что стоило лишь ступить на нее, и камыши как будто оставались за спиной, подарив такой иллюзорный обман зрения. А опыт очень скоро подсказал, что тропка в камышах абсолютно безопасна: змеи предпочитают держаться подальше от тех мест, где по ночам ходят люди.

Тропка была протоптана контрабандистами – удачный переход через Днестр позволял абсолютно безопасно переправляться с одного берега на другой – в этом месте проходила граница с Румынией. И словно специально именно здесь она была меньше всего защищена. А румынские солдаты, стоящие на этом участке, давно уже договорились с местными контрабандистами и за умеренную плату пропускали своих, имея довольно приличный навар с каждой пронесенной через границу коробки чулок или пачки сигарет.

Ему потребовалось совсем не много времени, чтобы выйти на контрабандные потоки и стать своим среди тех, кто так отчаянно привык рисковать своей жизнью, словно в насмешку играя в прятки со смертью.

Контрабандные тайники представляли собой полую трубу в самой земле, вровень с водой, настолько широкую, что в горловину вполне можно было опустить целый мешок, набитый контрабандным товаром. Горловина трубы закрывалась плотно завинчивающейся крышкой и была абсолютно непроницаема для воды.

Схема была простой: по очередности в тайниках с румынской стороны оставляли товар. Затем проводник получал записку с указанием места и партии – ее оставляли в придорожном шинке или у доверенных связных. После этого проводник сообщал о времени и месте доставки контрабандисту и глубокой ночью вел его к тайнику. Контрабандист специальным ключом отвинчивал крышку и забирал товар. А проводник получал свои деньги за услугу – переданную информацию о сопровождении к месту.

Самостоятельно забрать товар проводник, даже если бы захотел, не смог бы. Ключ от тайника находился у самого контрабандиста, а открыть трубу без ключа было невозможно.

Бывали случаи, когда проводник убивал контрабандиста, отбирал товар и ключ. Но его быстро находили товарищи убитого. Расправа была короткой и жестокой – за предательство разжалованный проводник платил жизнью. Потом на тайнике меняли крышку, и все продолжалось по новой.

Самым большим спросом пользовались контрабандные сигареты и предметы женского обихода – фильдеперсовы чулки, духи, различная косметика и парфюмерия. Товар этот всегда тщательно упаковывали в водонепроницаемые чехлы, чтобы сырость от реки не повредила их, – цена ведь была немалой.

Затем товар распределялся по черным рынкам и приносил очень даже неплохие деньги. Изредка контрабанда шла и с другой стороны: через румынскую границу и дальше, в другие страны, утекали драгоценности, золотые монеты царской чеканки, фальшивые доллары, иконы, предметы антиквариата, церковная утварь... За границу СССР шло все то, что стоило очень дорого и что невозможно было продать в родной стране.

* * *

Он жил в прибрежном селе уже седьмой месяц, выдавая себя за известного одесского контрабандиста. Потребовался большой период подготовительной работы, чтобы местные контрабандисты приняли его за своего. Но он успешно справился со всем этим.

И в очередной раз он шел в камышах на встречу со своим проводником. День назад у местного шинкаря, связующего звена всех контрабандных операций, он получил информацию о том, что в одном из тайников для него есть товар.

В этот раз товар был особенно важен для него, потому что под металлической крышкой в жерле трубы лежали не коробки с духами и не фильдеперсовы чулки. Там лежало огнестрельное оружие. Новенькие немецкие пистолеты вальтер.

Последняя партия заказанного оружия – ровно столько, чтобы вооружить тоже последний отряд. И тогда его миссия будет выполнена. Вернее, часть миссии. Мысли предательски забегали вперед. Но у него не было времени почивать на лаврах и думать о грядущих триумфах – он уверенно пошел по вязкой, болотной жиже в камышах, через тошнотворный, гнилостный запах топи.

Проводником в этот раз был простой крестьянский парень. Немного придурковатый, как и все крестьяне, чей мозг не был развит образованием или хотя бы грамотой, однако достаточно сообразительный для своих лет. Он был достаточно жадным, чтобы обучиться азам контрабандной работы для заработка. К тому же, в отличие от большинства своих сородичей, ему не надо было кормить семью – он был одиноким, и заработанные контрабандой деньги мог тратить на местных девок, которые в нем души не чаяли.

Проводник ждал его возле реки, там, где грунтовка сельской дороги сходила в камышовую топь, у подножия креста, который давно уже успели сломать рьяные советские активисты. Крест этот считался оберегом от всевозможной нечисти, которая, согласно местным поверьям, могла приходиться с реки. Был он каменный, почерневший от времени и такой страшный, что местные жители всегда крестились, проходя мимо него. В селе никто и не знал, кто соорудил этот крест и почему камень в его основании был расположен так низко, что его омывали речные воды.

Однако веяния времени докатились и до этих земель, несмотря на все попытки румынских властей удержать порядок на территории Бессарабии и Приднестровья. Попытки эти были хаотичны, властям местные крестьяне не подчинялись – беспорядки вспыхивали тут и там. Во время одного из таких беспорядков и был сломан крест. Никто толком так и не понял, кто и зачем его сломал. Остался только камень – основание креста у воды, его почему-то не тронули. Так и торчал этот странный символ у воды – как знак эпохи, приносящей сплошной хаос и разрушения.

* * *

Приблизившись со стороны реки, он издали увидел ожидавшего его проводника. Здоровенный парень нетерпеливо переминался с ноги на ногу, словно танцевал какой-то странный танец.

Подойдя, даже сквозь темноту он разглядел, каким бледным было лицо проводника – словно брюхо рыбы, вытасченной из воды наружу.

– Давно ждешь? – Он подошел так неожиданно, что парень вздрогнул и неловко шагнул назад. «Плохой признак, – подумал он, – парень труслив, как кролик...»

– Место плохое... Подножие креста... – откашлявшись, сказал проводник. Губы его дрожали.

– Чем же плохое? – небрежно бросил он, уже давно отказавшись от мысли понимать бредовые фантазии местных жителей.

– Змеи... шепчут... – запинаясь, прошептал парень.

– Змеи? О чем? – снова почти машинально переспросил он. То, что вопрос абсолютно глупый, он даже не понял.

– Слышишь шорох? – скривился парень. – Это змеи шуршат. Конец марта, а змей много. Плохо, что сломали крест. Люди говорили, он змей сдерживал, загородом был.

– Бред какой-то, – бросил он и, устав слушать какие-то фантазии, отвлекающие от цели, устремился вперед. Проводнику не осталось ничего другого, кроме как последовать за ним.

Вот и тайник. Проржавевшее жерло трубы торчало прямо в камышах, замаскированное старой, засохшей осокой. И никто бы его не нашел, если б не знал о его существовании. Никому бы и в голову не пришло, что в этом месте что-то не так, как должно бы было быть.

Достав из-за пазухи ключ, он с трудом открыл проржавевший замок и достал большую продолговатую коробку, обмотанную водонепроницаемой пленкой. Открыл. Новенькие вальтеры были сложены один к одному – так, что радовался глаз.

– Хочешь пистолет? – усмехнулся он, обернувшись на проводника. – Ты смотри, а то могу дать.

– Зачем он мне, нечисть, изыди, сатана... – отшатнулся тот так, словно ему действительно вкладывали пистолет в руку. Он засмеялся: оружие как близость поставленной цели всегда повышало в нем дух, и он страшно радовался удачному завершению этого этапа.

Так, смеясь, он запрокинул голову вверх – и вдруг замер, в первый момент не понимая, что не так в этом застывшем темном небе... Чуть поодаль от того места, где они находились, были дома соседнего села. Они стояли так близко, что, как говорится, до них можно было рукой подать. Это село находилось на румынской территории. Он давно привык, что с наступлением темноты дома стояли без признаков жизни, света – как сплошная скала, непроницаемая громада.

В его сознании эти дома складывались в одно целое – столько раз он их видел, что не смог бы и сказать: или стоят рядом, или же есть дома на отшибе. Никогда ни одного лучика света не пробивалось сквозь эту черноту. И вдруг... Именно в эту ночь в одном из домов он явно увидел горящие светом окна.

Свет, яркий, ослепляющий его свет был в доме, стоявшем у самой реки, так близко к воде, что Днестр едва ли не обмывал сваи, бревна, закрепленные в фундаменте.

Стоп! Но ведь этот свет был категорически невозможен! В 1940 году Днестр служил демаркационной линией между Румынией и СССР. И эта водная граница между двумя сторонами охранялась особенно строго. И в прибрежных селах румынские власти разрешали включать свет в домах только при наглухо закрытых ставнях, так, чтобы даже полоски не просачивалось наружу! Из-за мер повышенной безопасности на границе даже навигация по Днестру была прекращена.

И вдруг в одном из домов, словно в нарушение всех правил и норм, были раскрыты окна, и сквозь них пробивалась наружу не то что полоска, а целый сноп света! Это было что-то невозможное!

До Тирасполя – 22 километра, и здесь, на левом берегу Днестра, находились приграничные войска. Тем более – в Чобручах, географическое положение которых было уникально: соседнее село находилось совсем близко, впритык, и жители часто переходили из одного в другое. Но свет... Никогда ничего подобного он не видел.

– Свет, – он толкнул парня в плечо, заставив обернуться в нужном направлении. – Кто там живет?

– Да никто не живет... Вот те крест, черти хороводят...

– Тьфу ты!.. – плюнул он в сердцах. Сложил все оружие в заплечный мешок. Затем еще раз посмотрел на странную картину и внезапно решил:

– А ну-ка, пойдём, поглядим, – скомандовал проводнику.

– Да не пойду я никуда! – Парень мгновенно встал на дыбы. – Сказано тебе: нечистая сила. Ни за что не пойду!

– Пойдешь, я сказал! – В нем стала нарастать ярость, и он достал пистолет.

Это был неверный шаг. При виде пистолета проводник задрожал всем телом и вдруг пустился наутек, напрямиком в камыши. Искать его в этом направлении было теперь бессмысленно.

Плюнув на труса, он поправил тяжелый мешок на плечах и пошел вперед, по направлению к дому. К удивлению, добрался быстро – дом с освещенными окнами стоял на самом отшибе, почти у воды. Он толкнул вросшую в землю калитку в заборе.

В доме явно никто не жил: весь двор порос бурьяном и сорняком, пожелтевшие остовы которого отчетливо сохранились даже под прогалинами застывшего снега. Он поднялся на крыльцо и постучал. Никто не ответил. Потянул дверь на себя. На удивление, дверь оказалась открытой.

Он ступил внутрь, прошел через сени и оказался внутри. На стенах комнаты были укреплены горящие свечи. А вокруг... Он почувствовал, как волосы на его голове стали дыбом.

Он попятился... Но было уже поздно. Проход назад оказался почему-то отрезан. Тогда он закричал, забыв про пистолет, который вдруг выпал из обессиленных рук... И он все кричал и кричал, пока крики его не потонули в ужасе, поглотившем его заживо...

Глава 2

1 марта 1940 года, Одесса

Резкий порыв сквозняка распахнул форточку. Зина поежилась от ледяного ветра и натянула одеяло до глаз. Сквозняк ее разбудил. Но она об этом не пожалела. В последнее время ей снились абсолютно бесцветные сны.

Наверное, человек, не особенно искусленный в человеческой психике, назвал бы это спокойствием и даже счастьем. Но Зина называла это скукой. Бесцветные сны, в которых ничего не происходило, будоражили ее душу, как продолжительная болезнь.

Ветер подул с такой силой, что растрепал волосы. Зина потянулась к часам на прикроватной тумбочке, щелкнула выключателем лампы.

Часы показывали 5.20. За окном не было даже признака рассвета. И несмотря на то что по календарю наступила весна, за окнами валил снег.

Она бросила взгляд на соседнюю половинку кровати – Виктора, конечно, рядом не было. Снова куда-то отправился бродить в ночь – курить, пить воду на кухне... Сложно было отучить его от этих привычек. И, конечно, это Виктор раскрыв окно.

Зина вдруг почувствовала прилив страшного раздражения. И оно ударило ее с такой силой, что больше она не могла спать. Потянувшись к папиросам на тумбочке, она чиркнула спичкой. Алый огонек загорелся в темноте тревожным маячком.

Дверь открылась, в комнату вошел Виктор Барг. Несмотря на холод, в квартире, он так и бродил полураздетым – в трусах и майке. Раздражение усилилось, теперь оно пламенело ярко-красными сполохами в мозгу.

– Почему ты не спишь? – Виктор, зевая, опустился на край кровати. Зина Крестовская нервно подтянула к себе ноги.

– Ты меня разбудил. Закрой окно! Холодно. Сколько раз я просила тебя не раскрывать окна по ночам! – В голосе, помимо ее воли, послышалась настоящая злость.

Виктор бросил на нее удивленный взгляд, но все-таки закрыл форточку. Из комнаты сразу исчез звук порывов ветра, и Зина вздохнула с облегчением.

– Ты слишком много куришь, – в голосе Барга прозвучал упрек.

– Ну а тебе какое дело? – Зина от злости вцепилась пальцами в одеяло. – Ты разбудил меня в пять утра мораль читать?!

– Я не читаю тебе мораль, – вздохнул Виктор, – просто меня очень беспокоит твое здоровье. Ты много куришь. Мне это не нравится.

– А мне не нравятся твои хождения по ночам! – Зина с вызовом уставилась на него.

– С тобой явно что-то происходит, – он снова вздохнул, – тебя словно подменили...

– Если не нравлюсь, ищи себе очередную... – Зина добавила слово, которое вообще-то, никогда не произносила.

– Да, явно происходит, – еще раз вздохнул Виктор. – Раньше ты так не раздражалась и такого не говорила. Что с тобой происходит, скажешь мне? – Он грустно смотрел на нее.

– Ты разбудил меня в пять утра, чтобы нести эту хрень? Мне завтра на первую пару! Между прочим, на 8.30 утра! – тихо, но с каким-то остервенением начала Зина. – У тебя что, совсем нет совести? Ты не понимаешь, что из-за тебя я не высыпаюсь? Я приду на работу с головной болью – а мне пары вести, перед полной аудиторией что-то говорить! Скажи, как можно быть такой бездушной скотиной? – Задохнувшись и внезапно остановившись, едва сумев перевести дыхание, она вдруг поняла, что уже кричит. Кричит, абсолютно не сдерживаясь и даже не стараясь сдержаться. И ей абсолютно все равно, какое впечатление производит на Виктора ее крик.

Она закрыла лицо руками. Потом отняла их и увидела, что от ее крика менялось лицо Виктора, буквально трансформировалось на глазах.

И Зине стало стыдно, мучительно стыдно, но все ж какой-то инстинкт подсказывал, что если она начнет извиняться, будет еще хуже. К счастью, Виктор Барг и не ждал ее извинений. Он молча лег в кровать и, зарывшись в одеяло, повернулся к ней спиной. Зина потушила в пепельнице окурки папиросы, выключила лампу и тоже забралась под одеяло, больно закусив губу – до крови. Даже сквозь закрытое окно, в щели рамы, проникал холод весенней ночи, в которую всюю начал валить снег.

* * *

Виктор переехал к ней после нового, 1940 года, в самой середине января. Когда, появившись возле института, он предложил помириться, Зина восприняла его слова с возмущением. Однако потом они все не выходили из ее головы.

Барг находился слишком глубоко в ее сердце, даже несмотря на боль, которую он ей причинил. Забыть его означало выпустить из своих вен всю кровь, то есть причинить себе физическую смерть. А Зина хотела жить. А жить означало беспрестанно тосковать о Викторе.

Он снова появился в самом конце декабря. В этот раз возле дверей ее подъезда. Барг ждал ее с букетом чуть присыпанных снегом роз. Красные розы замерзли, их бутоны поникли, а нежные лепестки тронул морозный иней. Но все равно – это были розы в декабре!

– Я люблю тебя, – сказал Виктор, а губы его были синие от холода, потому что он стоял долго возле подъезда, на улице, слишком долго, а на улице был жестокий мороз, – я люблю тебя... Ты всегда будешь жить в моем сердце.

Собственно, все женщины мира устроены абсолютно одинаковым образом. И нет такой, которая не мечтала бы о любви. Чем бы ни занималась, какого бы успеха ни добились в мужском деле, женщина всегда остается женщиной, особенно если несмотря на все испытания сумела сохранить живое человеческое сердце. Женщина нуждается в самообмане и иллюзии, которой на самом деле является чувство, принимаемое за любовь. Даже если она отчетливо понимает

природу этого чувства, как понимала это Зина. Но, даже все понимая, Крестовская все равно не была исключением.

– Я люблю тебя, – снова произнес Виктор, и Зина заплакала.

А когда она заплакала, Барг поднялся в квартиру, и было понятно, что больше он не уйдет. Всю ночь они занимались любовью, и ни одного раза даже не заговорили о прошлом. И Зина вообще не понимала, как могла жить без его рук, без его глаз. Виктор Барг действовал на нее совершенно невероятным образом. Стоило ему лишь прикоснуться к ней рукой, а еще лучше – ее поцеловать, и Зина просто взлетала на вершины какого-то настолько неземного блаженства, что все ее тело растекалось, превращаясь в невероятно сладкую боль. И она сама не понимала, как может происходить такое с ней.

На самом деле Зина отчетливо и прекрасно осознавала, что сходит с ума. Только совершенно больная, ненормальная женщина способна сотворить такое с собственной жизнью, а именно – снова впустить в жизнь Виктора Барга, который причинил ей столько зла.

Но одно дело – рассудок и логический анализ. И совершенно другое – живая душа женщины, которая сходит с ума от любви.

И Зина разрешила себе сходить с ума, решив извлечь для самой себя все, что только можно почерпнуть из этого странного чувства.

Ей вдруг понравилось любить – просто любить, не ожидая взаимности, для самой себя. Она вдруг поняла, что ей абсолютно безразлично, любит ли ее Виктор Барг.

Оказалось, что состояние влюбленности может быть очень приятным, если вышвырнуть из него все страдания и наслаждаться любовью просто здесь и сейчас. Любить для самой себя оказалось гораздо легче, чем постоянно оглядываться на кого-то другого, например, на объект любви, думая, как он отреагирует на каждый твой взгляд.

Зина позволила себе любить потому, что разрешила себе это – здесь и сейчас, и исключительно для самой себя. И вдруг оказалось, что это не только не страшно, а очень даже приятно!

Во-первых, из такой разрешенной любви моментально убирались страдания, потому что Зине было все равно, любит ее Виктор или нет. Во-вторых, было просто замечательно не думать о будущем, по принципу: сегодня люблю потому, что так хочу, а завтра возьму и разлюблю. В-третьих, появлялось хорошее настроение, плечи словно расправлялись, и очень хотелось что-то делать – добиваться каких-то успехов, следить за собой, радоваться жизни. Зина расцвела, и ей самой очень нравилось это превращение.

Она пошла в парикмахерскую и покрасилась в блондинку, отказалась от вечных крысиных хвостиков и свободно распустила волосы по плечам. Заказала у дорогой портнихи несколько модных платьев. И даже дошла до совсем невероятного: купила у спекулянтки в женском туалете контрабандный крем для лица с китовым спермацетом и тушь для ресниц.

Словом, Зине понравилось жить в любви. И Виктор, никак не понимающий ее превращения, не отходил от нее ни на шаг.

Новый год они встречали вместе – у Зины. Перед Этим Барг заявил, что не может пригласить ее к себе домой.

– Мои родственники всегда закатывают грандиозный прием на Новый год, – сказал он, – в этом году впервые тронулся лед, и в дом разрешили вернуться Игорю. Он теперь снова вхож в семью.

– А Лора? – нахмурилась Зина.

– Никто не знает, где Лора и что с ней. Мы не видели ее очень давно, – вздохнул Виктор, и Крестовская поняла, что он искренне грустит о сестре.

– Значит, на Новый год ты будешь на грандиозном приеме у мадам Жаннет, – Зина отвела глаза в сторону, – все понятно. И меня ты, конечно, не пригласишь.

– Мои родственники тебя не любят. Не любят – это мягко сказано... – Барг тоже отвел глаза в сторону, словно подражая ей.

– Я тоже от них не в восторге! – зло буркнула Зина.

– Давай не будем вспоминать прошлое, – вздохнул Виктор. – А что будешь делать на Новый год ты? Пойдешь к друзьям?

– У меня нет друзей, – отрезала Зина. – Выпью коньяка и лягу спать. Мне все равно.

– А мне нет, – сказал Барг и... пришел на Новый год к ней.

А сразу после этого он остался у нее тогда на несколько дней, признавшись в том, что потерял работу.

– Основную часть лаборатории перевели в Москву, – сказал Виктор, – а наш филиал в селекционном институте было решено закрыть. В общем, меня уволили.

– Это не беда. Скажи спасибо, что тебя не расстреляли, – мгновенно отреагировала Зина, прекрасно зная среду, в которую он попал.

Барг помолчал.

– Знаешь, – начал он нерешительно, – Игоря ведь тоже вернули в Одессу. Он теперь снова работает в шестом отделе – контрразведке. Но это не точно... Честно сказать, я не знаю, где он работает, он мне не говорил, – вздохнул Виктор. – Игорь стал таким положительным, что даже мой дед к нему потеплел.

– Что же ты теперь собираешься делать? – спросила Зина, даже не пытаясь скрывать своей радости от того, что со страшной лабораторией для Виктора покончено.

– Вернусь в ювелирку, – пожал он плечами, – я уже ходил на ювелирный завод. Они готовы меня взять.

Так и произошло. 15 января Виктор вышел на работу на ювелирном заводе. И Зина сама предложила, чтобы он переехал жить к ней.

– В конце концов, давай попробуем жить вместе, – рассудила она, – раз уж мы не можем существовать друг без друга. А к твоим родственникам в гости я ходить не буду.

И, к огромному ее удивлению, Виктор с радостью согласился на переезд. Первый месяц пролетел как в раю. Ну а вот потом...

Потом Зину вдруг стали раздражать привычки Барга. Чувство влюбленности постепенно улеглось, появилось какое-то обостренное внимание к деталям, которого вообще не было прежде. И Зина с огромным удивлением поняла, что эти детали ей не нравятся.

Прежде всего, что начало ее раздражать, – Виктор ходил по квартире по ночам. Во-вторых, он покупал еду, которой Зина терпеть не могла. И главное... Ей вдруг стало скучно жить, невероятно скучно возвращаться домой и заставить дома Виктора, который, развалившись в кресле с газетой, начинал говорить какие-то глупости. К своему ужасу, Зина обнаружила, что он... не очень умен.

Если она умела читать между строк – в силу жизненного опыта, в силу того, с чем столкнулась, то Виктор воспринимал советские газеты буквально и изрекал самые дикие нелепости с умным видом, чем приводил ее в бешенство.

Политика и события в мире не представляли для нее никакого интереса, и она не собиралась говорить о них часам, в отличие от него – он так любил переливать из пустого в порожнее.

– Гитлера не интересуется Советский Союз, – вещал безапелляционно Барг, – а продвигаться на Европу – это правильно. Лучше, если в мире будет несколько сильных государств, чем много мелких. Нет, не тронет он Советский Союз. Побоится.

– Ну ладно, если Гитлера не интересуется СССР, то почему все здесь наводнено немецкими агентами? – не выдержала как-то Зина.

– Какие агенты, что за чушь? – Виктор округлил глаза. – Откуда ты взяла этот бред?

Она вдруг поняла, что скучает по Бершадову, с которым хоть поговорить можно было об умных вещах. Но он исчез, не подавал о себе никаких вестей. И Зина совсем заскучала.

Чтобы себя занять, Крестовская стала больше работать в институте. Виктору она говорила, что ей добавили нагрузку. Но на самом деле это она сама напрашивалась на каждую лишнюю пару – потому что не хотела возвращаться домой.

Когда в 8 часов утра Зина вышла из дома в институт, Виктор еще спал. Сама она не понимала, каким образом ему удавалось получать какие-то послабления и он мог приходить на работу к 10, даже к 11 утра. Ее, честно сказать, это страшно бесило. Она понимала, что поэтому Барг ходил по ночам – потому что утром он долго спит и высыпается, в отличие от нее.

Сама Зина вышла из дома сонная, с сильной головной болью, с мрачными мыслями и с погасшим солнцем в душе. Солнце это погасло от того, что она не знала, не могла понять, как докатились они до жизни такой.

На самом деле никаких пар у нее не было – Крестовская по привычке шла в институт, чтобы пораньше просто уйти из дома. Но, едва она появилась на кафедре, как заведующая тут же попросила ее заменить преподавателя в одной из групп.

– Да не готовилась я! Что буду им говорить? – рассердилась Зина.

– А говорить ничего и не надо! У них лабораторная должна быть, вот ты ее и проведешь, – пояснила заведующая.

– Лабораторная – на первой паре? – удивилась Крестовская.

– Так уж получилось, – пожала плечами заведующая.

Это была чужая группа, Зина ее не знала. Но вот предмет лабораторной работы она знала очень хорошо, поэтому никаких трудностей у нее не возникло. В конце занятий студенты принялись сдавать работы. И Зина вдруг обратила внимание на одну девушку, которая, похоже, и не собиралась к ней подходить.

Маленькая, черноволосая, очень худенькая, она сидела на последней парте и смотрела в окно. Невероятно бледная, с каким-то трагическим рассеянным взглядом... Одетая она была очень бедно, намного хуже всех остальных студентов. Вокруг нее словно пустыня образовалась – это тоже сразу бросалось в глаза. Все остальные студенты словно намеренно избегали ее.

Когда все стали подходить к столу преподавателя и сдавать работы, девушка попыталась незаметно выскользнуть из аудитории. Однако не тут-то было: Зина уже давно работала преподавателем, поэтому остановила ее достаточно просто:

– Вы не сдали работу, – строго сказала она.

– Простите... Я не написала, – ответила девушка дрожащим голосом.

– Сядьте за стол и пишите, – Зина была непреклонна. – Вы не выйдете из аудитории, пока не сдадите работу! – злобно отрезала она. Настроения у нее не было с самого утра, а тут еще это...

Даже не попытавшись возразить, девушка послушно села за парту. Наконец все последние работы были сданы, и кроме них в аудитории больше никого не осталось.

– Подойдите ко мне! – взглянув на несчастную, резко скомандовала Зина, намереваясь поставить двойку в журнал и сообщить в деканат.

Девушка послушно встала из-за стола. Она была такая худенькая и запуганная, что чем-то напоминала испуганного воробышка. Но дальше произошло невообразимое – она вдруг пошатнулась и упала на пол, прямо в проход. Зина страшно перепугалась, бросилась к ней. Девушка лежала на полу без сознания.

Крестовская метнулась в соседнюю аудиторию, где были химические препараты для опытов, быстро отыскала нашатырь и так же бегом вернулась к девушке. Быстро привела ее в чувство. Придя в себя, девушка заплакала. Поддерживая голову, Зина заставила ее выпить стакан воды.

– Ты беременна? – в лоб спросила она.

– Нет, конечно! Видит Бог, нет... – Девушка залилась горячими слезами.

– Тогда что? Ты больна?

Не отвечая, несчастная продолжала плакать, лишь отрицательно мотнув головой. Внезапно Зину обожгла страшная догадка.

– А что ты ела сегодня? – спросила она.

– Я... не ела... – Девушка так удивилась вопросу, что даже перестала плакать.

– А вчера? – допытывала ее Зина.

– И вчера тоже... Не ела, – шепотом призналась студентка.

– Когда ты ела в последний раз? – нахмурилась Крестовская.

– Я не помню. Пять дней назад или четыре... – Голос ее звучал совсем тихо.

– Почему? Что произошло? – Зина держала себя в руках, но понимала, что это не надолго.

– У меня денег нет, – девушка снова начала плакать.

– Как тебя зовут? – Крестовская мысленно поздравила себя с тем, что правильно определила причину обморока – голод.

– София, – глотая слезы, ответила девушка.

– А ну вставай! Ты идешь со мной, – Зина решительно подняла ее с пола.

К счастью, больше в этот день занятий у нее не было. Она думала посидеть в библиотеке, почитать, но теперь планы изменились. Зина повела Софию в столовую. По дороге та пыталась сопротивляться, но Зина не дала ей ни малейшего шанса.

В столовой Крестовская взяла обед из трех блюд – борщ, макароны по-флотски и салат из капусты. А еще – булочку и компот. И поставила все это перед девушкой:

– Ешь. А когда поешь, ты мне все расскажешь. Скажешь, что за беда у тебя. Может быть, я смогу тебе помочь.

– Что вы, я не могу... Не надо, – София все еще пыталась сопротивляться.

– Ешь немедленно! – рассердилась Зина.

Но сердце ее дрогнуло, когда она увидела, с какой жадностью девушка набросилась на еду. Сама Зина лишь лениво потягивала кофе с молоком и думала только о том, как ей мучительно хочется курить.

– Теперь рассказывай, – скомандовала Крестовская, когда тарелки были пусты, – что с тобой произошло?

– Вы не сможете мне помочь, – глаза Софии снова наполнились слезами.

– А ну кончай рюмсать! – рявкнула Зина. – Нет ситуации, из которой нельзя было бы найти выход. Говори, что произошло? Где ты живешь? В общежитии?

– Нет...

– Значит, с родителями?

– Нет. Я не из Одессы...

– Не понимаю. Тогда почему ты не в общежитии?

– Боюсь показать документы. Они... фальшивые, – внезапно решила девушка.

– Как это – фальшивые? – опешила Зина.

– Я купила их, чтобы поступить в институт. На самом деле я из Бессарабии. Жила в селе возле Днестра. Бессарабия – она под румынами.

– Понятно, – нахмурилась Зина, перед которой стала вырисовываться картина. – А как ты границу перешла?

– Контрабандист знакомый перевез. Он и угол помог здесь снять. Мне родители деньги через него передавали. Он их менял. А потом перестал передавать. Деньги закончились. Но не это самое страшное! Я очень боюсь...

– Что уж тут может быть страшней? Что бывает страшней голода? – горько усмехнулась Зина.

– Я боюсь за родителей. Дело в том, что в нашем селе пропадают люди...

Глава 3

Левый берег Днестра, плавни, 5 км от румынской границы, 26 марта 1940 года

– Тихе ты, бовдур! – Парень с масляным фонарем в руке ткнул в бок своего спутника, который слишком шумно вступил в камыши.

– Сам ты... – огрызнулся тот, – ты бы фонарем не смолил, бо румынов пристудишь... Деревенщина!

– Нету их здесь, – пожал плечами первый, однако тут же приглушил фонарь и с тревогой начал вглядываться в темноту.

– Как же, нету, – фыркнул его напарник. – Что третьего дня творили? Вот то-то и оно...

– Язык прикуси! Недаром сказано: помяни лихо... – со все возрастающим напряжением парень присматривался к камышам, словно пытаясь вычитать что-то в их застывших силуэтах.

Было безветренно и тихо. Ни единый звук не прорезал темень – густую черноту ночи, сплошную, как застывший кисель. Только изредка ночная птица с громким пронзительным треском скользила по воде да слышался тихий, едва различимый шелест, который шел непонятно откуда.

Ночь была холодной. С берегов только-только сошел снег, растаяв от плюсовой температуры – предвестницы тепла, оставившей скользкую изморозь на все еще обледенелых стеблях речной осоки.

Ночь была абсолютно безлунной, и если б не тоненький лучик фонаря, ничего нельзя было бы разглядеть. Двое парней двигались практически на ощупь в сплошной черноте, дрожа и замирая от каждого случайного звука.

С разными выражениями лиц и с разной степенью внимания и напряжения они оба вглядывались в густую, сочную темноту.

Первый, тот, что ворчал по поводу шумной неуклюжести своего спутника, был опытным проводником, занимающимся контрабандой не один год. Однако и ему успела изменить удача.

После странного исчезновения из поселка постоянного своего спутника – опытного контрабандиста, провернувшего не одну удачную операцию, он решил на время завязать с опасной деятельностью.

Спутник его, которого он прошлой ночью проводил к тайнику с настоящим оружием, исчез из своего дома в селе при самых загадочных обстоятельствах.

Утром одна из соседок, проходящих мимо дома, обнаружила, что окно в нем распахнуто настежь, несмотря на ледяной март, а на столе возле окна стоит керосиновая лампа, от которой, из-за долго горящего фитиля, уже идет самый настоящий черный чад. Это было очень странно сразу по нескольким причинам.

Во-первых, зачем потребовалось открывать окно нараспашку в мороз? Ночью был такой холод, словно зима только вступила в свои права, и большинство жителей еще топили печи.

Во-вторых, румынские власти, которых было полно в поселке, запрещали зажигать свет в домах, стоящих вдоль реки, если окна не были прочно закрыты ставнями. Ну, а в-третьих, на улице давным-давно был белый день, и даже яркое солнце на несколько часов появилось из-за облаков, словно напоминая людям, что скоро придет весна. Солнечные лучи насквозь пронизывали всю комнату, в которой чадила лампа.

Это было не только странно, но и страшно. Увидев все это, женщина закричала. На шум сбежались люди. Несколько мужиков взломали дверь, но ничего страшного в доме обнаружено не было.

В комнате, где чадила лампа, стояли большие и длинные резиновые сапоги – такие, в которых контрабандисты бродят по топи, пытаясь защититься от змей и ледяной воды. В углу была сброшена верхняя одежда – штаны и плащ, перепачканные речной тиной. Да на подоконнике, возле которого стоял стол с чадящей лампой, были какие-то очень странные следы – словно зеленоватая блестящая слизь. И было их достаточно много. Они не подсохли и были отвратительно вязкими и холодными на ощупь. И что это такое, никто из жителей села так и не смог понять.

Рассматривали и так и сяк – со всех сторон. Но никто не видел ничего подобного. Впрочем, вскоре, привлеченные шумом, появились румынские власти и погнали всех любопытных зевак по домам.

По селу мгновенно расползлись страшные слухи. Впрочем, почти все жители солидарны были в одном: контрабандиста – а чем занимался он в селе, знали все жители поселка – арестовали румынские власти.

Все знали, что румыны просто озверели в последнее время – хватали всех без разбору, и мало кто из арестованных возвращался назад.

А в селе было довольно много румынских солдат. Почему-то их становилось все больше и больше в селах возле самой границы. Румыны активизировались, и никто не понимал их поведения.

С местными жителями особо не церемонились. Аресты были обычным делом. И на этом фоне становилось понятно, что произошло с этим контрабандистом.

Было ясно, что он успел вернуться после очередной операции с реки. После этого успел снять намокшие сапоги, переменить одежду. И в этот момент ворвались румыны, скорей всего, через окно. Мужика тут же арестовали. Соседи шума не слышали, так как была глубокая ночь, да и дом его стоит на отшибе. Криков никто и не мог слышать, так как жил он один. Значит, точно был арестован.

Здесь и появился самый страшный слух: румыны хотят покончить с контрабандой. Хватают тех, кто зарабатывал деньги у реки. А значит, надо затаиться и никому не высовываться.

Проводник пропавшего контрабандиста, местный деревенский парень, был напуган до смерти. Даже он понимал, что нужно залечь на дно, уйти. Так бы он и сделал, но вот тут-то

и получил одну очень странную информацию. Соблазнительную настолько, что решил попробовать в последний раз.

С кем пойти? Выбор пал на друга детства, который никогда не был связан с контрабандой, трусливого, как кролик, но очень жадного до денег. А так как речь шла о больших деньгах, то можно было рискнуть.

Однако с самого первого момента все пошло не так. Парень принялся топтать, как слон, и сворачивать не туда. И страшно хотелось просто утопить его там, в камышах, чтобы не действовал на нервы своим топаньем, сопением и дурацкими вопросами.

Хотелось спать, но оба упорно продолжали путь сквозь тьму.

– А змеи тут есть? – спросил друг проводника, отфыркиваясь от камыша, попадавшего прямо в лицо.

– Ты так топаешь, что даже чертей распугаешь! – в сердцах плюнул проводник.

– Нет, а все-таки?

– Какие тебе змеи? – от злости проводнику захотелось кричать. – Конец марта сейчас!

Где ты видел змей раньше апреля?

– А что? – не отступал его друг.

– Шоб тебя... – в сердцах выругался проводник, знавший про себя, что и сам он не блещет умом, однако этот парень совсем уж смахивал на полудурка.

От ругательства напарник примолк и продолжал топтать в темноте, разрываемой лишь узеньким лучиком фонаря.

Проводник вспоминал, как получил информацию в тот самый час, когда румыны разогнали местных зевак из дома исчезнувшего контрабандиста. Окрыленный удачей, он бежал к дому, очень надеясь, что контрабандист не успел уехать с оружием. За то, что он принес, должен был заплатить очень хорошо. Но возле дома человека, на которого он возлагал такие надежды, скучал румынский солдат.

А из-за забора рукой поманил сосед. Когда проводник приблизился, мгновенно затащил его за забор и рассказал все и про исчезновения, и про румынов.

Проводник сжался. В первые минуты ему хотелось бежать. Но потом он вспомнил... И бросился к дому своего друга детства, достаточно жадного, чтобы его услышать.

– Мертвяки? Да я с детства боюсь мертвяков! – выслушав его рассказ, закричал друг. – Шоб они по ночам ко мне лазили?

– Тьфу ты, бовдур! Да какие тут мертвяки! При чем тут это, когда все, что надо сделать – вытащить коробку из лодки!

– Да как же вытащить, когда они там, мертвяки?

– Ну и что? Там царские червонцы! Да камушки – рубины, всякие там бриллианты. Достать шкатулку, и всего делов, пока румыны лодку не нашли. А как найдут – тока мы и видели!

– Да ведь потопли они все...

– Ну и что? Потому и возьмем коробку с ценностями, что они потопли! – Проводник постарался умерить тон, чтобы как можно больше пояснить другу свою мысль.

– А они кто? – дрожал друг.

– Буржуи. Говорю же – хотели за границу свалить, да лодка утопла. Ценности они с собой везли. Больших денег стоят.

– А почему тот человек, который тебе сказал, сам туда не пойдет? – Подозрительность жадного крестьянина взяла верх над трусостью.

– Он пойдет. Только он не знает здешние края. Я его до лодки должен довести.

– С ним еще делиться? – поморщился друг – жадность пиროвала в нем вовсю.

– Там на всех хватит!

В конце концов жадность таки взяла верх над трусостью, и друг согласился на рискованную операцию – ночью идти искать затонувшую лодку.

И вот теперь они топали по щиколотку в ледяной воде, протаптывая себе путь среди камышей в сплошной тьме.

– Он нырять в лодку будет? – Голос друга дрожал от холода и страха. – Кстати, он где?

– Да вот скоро к месту встречи придем. – Проводник увеличил фитиль фонаря и, поймав в свете перепуганный взгляд друга, пояснил: – Румын тут точно не будет.

Странный звук, похожий на тихий свист, заставил остановиться их обоих. Это было очень странно и потому очень страшно – будь то выстрелы или крики, они не произвели бы на них обоих впечатление такого ужаса...

– Что это? – Друг, чьи глаза стали похожи на огромные блюда, уже был готов броситься наутек.

– Откуда мне знать? – Голос проводника тоже дрожал.

– Румыны?

– Не пори горячку! Нет здесь никого, кроме...

Звук повторился с новой силой – в этот раз он прозвучал еще более печально и страшно. Казалось, кто-то испустил долгий вздох громкого разочарования, вырвавшийся из самых глубин разбитого сердца. Он пронесся над темной водой и растворился в камышах страхом, от которого даже ледяная вода реки показалась горячей.

– Кроме... кого? – Даже в дрожащем пламени тусклого фонаря было видно, что лицо друга белеет на глазах.

– Я не знаю! Что ты ко мне пристал! – Проводнику вдруг захотелось крикнуть, что и ему страшно, так страшно, что он даже не может это сказать, что его сердце сдавила изо всей силы мохнатая лапа страха.

– Уходим! – Друг резко развернулся.

– Ну нет! – Со злостью, утроенной страхом, проводник вцепился в его плечо, с силой повернул назад. – Я не уйду! Мне нужны эти деньги! Я их добуду, ты понял?

– Но это... это же... мы не знаем... что это такое...

– Заткнись! – заорал проводник в сердцах и тут же осекся.

Звук растаял, и на землю снова опустилась благодатная тишина.

– Идем. Вперед, я сказал! – Проводник с силой толкнул в спину своего напарника. Тот повиновался и следом за ним с таким же шумом потопал по болотной грязи.

– Здесь, – наконец остановился проводник, – он ждет нас здесь, – и, еще раз увеличив огонь в фонаре, помахал в темноту.

Над камышами сразу мелькнул ответный огонь.

– Он нас ждет, – проводник решительно двинулся вперед.

Очень скоро они оказались на небольшой песчаной отмели, скрытой за камышами. И... остановились. На узкой полоске суши, на плоском речном камне, стоял яркий масляный фонарь, зажженный на всю мощь. А возле камня на спине лежал человек.

Проводник бросился вперед. Друг остался на месте. Потом все же любопытство взяло верх, и он приблизился.

Человек лежал неподвижно. Руки аккуратно вытянуты вдоль тела. На нем был темный прорезиненный плащ и болотные сапоги.

– Эй... – Проводник слегка ткнул его носком сапога и вдруг отпрянул назад.

Мужчина не подавал признаков жизни. Проводник опустился на колени, осветил фонарем вниз. Он с ужасом увидел, что все лицо лежащего было в какой-то зеленой жиже. Эта вязкая масса странного цвета, похожая на слизь, скрыла все черты его лица. Жуткая студенистая масса вызывала страшное отвращение.

– Надо бежать, – друг отступил на несколько шагов назад. – Кто его убил... или... что его убило?

– Нет, – проводник резко поднялся на ноги, – я никуда не собираюсь уходить. Плевать. Я должен найти лодку.

– Да пошел, ты... – напарник бросился к выходу с отмели, – я не буду пропадать здесь!

Проводник рванул за ним и успел его остановить в тот самый момент, когда тот уже достиг камышей. Ударил кулаком в лицо.

Сцепившись, они покатались по болотистому илу. Дрались отчаянно, с яростью диких зверей, впервые почуввавших кровь... До тех пор, пока, откатившись под градом ударов, друг не отлетел в камыши далеко и не закричал от дикой боли. А потом – от радости:

– Здесь! Лодка!.. Она здесь! – Он барахтался в воде, держась за какой-то странный предмет, выступающий над поверхностью воды, – почерневший остов дерева...

27 марта 1940 года, село Чобручи

Пропавших парней искали всем селом. Обратились к румынским властям, которые, естественно, проигнорировали просьбу местных жителей.

Первой панику подняла мать проводника. Она знала, что после случившегося с контрабандистом сын хотел уехать как можно дальше от родных мест, перейти границу. Было решено, что на подводе, которая отправляется из села в 7 утра, он доберется до Болграда, а уже оттуда как-то попытается пробраться на советскую территорию.

Вещи были сложены, деньги собраны. В ночь сын ушел из дома, заявив матери, что идет к очередной девушке. Но, когда к 6 утра он не вернулся, она забила настоящую тревогу.

Одну за другой обошла всех пассий сына. Все они были возмущены до предела, поскольку ни одна не видела его больше недели. Только до одной девушки несчастная женщина не смогла добраться – та уехала учиться в Одессу, а мать ее похвасталась, что кавалер даже оплачивал ей ежемесячное содержание.

Когда в 7 утра подвода уехала из села, а сын так и не появился к моменту отъезда, женщина совсем запаниковала.

Румыны буквально вытолкали ее взащей из своей управы. К обеду стало известно, что пропал еще один парень. К вечеру, к наступлению темноты, местные мужики прочесали уже все село. Никаких следов пропавших парней обнаружено не было. Ничего другого не оставалось, как зажечь факелы и идти в камыши.

Несчастливая женщина, мать пропавшего проводника, совсем потеряла голову от отчаяния. Потому и не заметила, что в доме, в комнате сына, приоткрылось окно. Внутри в тот момент никого не было.

Поиски продолжались в камышах. Было прочесано много километров вокруг. Безрезультатно. И тут один из участников поиска вспомнил о речной отмели, оставленной небольшой запрудой вдоль левого берега реки, отчего посреди камышей возникло нечто вроде песчаной площадки.

Мужики бросились туда. Факелы ярко освещали темноту. Так как в поисках участвовало большое количество жителей села, румыны закрыли глаза на яркий свет факелов, хотя вообще это было запрещено. И как только первые участники поисков, достигшие песчаной отмели, зашли на эту своеобразную природную площадку, они остановились как вкопанные.

Посреди нее из белых камней был сложен большой очаг из редкого сорта кирпичей, которые использовались для строительства в соседних поселках. При их изготовлении к ним примешивался речной песок, делавший их белыми.

Кирпичи эти и добавленные к ним камни были сложены внизу большим овалом. Потом они конусом сходились вверх, поэтому очаг был достаточно высоким – из нескольких поло-

женных один на другой слоев. Форма же его была абсолютно диковинной для местных жителей – ничего подобного они не видели.

Это было странно. Но еще более странным показалось другое. Из очага шел дым, черный, удушающий дым, указывающий на то, что там что-то догорало. Да и вокруг стоял устойчивый, прогорклый аромат жареного мяса.

Самые храбрые и отчаянные мужики заглянули вниз в очаг. На металлические стержни прямо над огнем были нанизаны... человеческие кости. Их было настолько много, что становилось понятно – это кости нескольких человек.

Участвующие в поисках женщины одна за другой упали в обморок. Никто не посмел тронуть жуткую находку... Через час на страшном месте появились румыны. Они привели с собой местного врача.

Огонь потушили. Кости собрали на мешковину. Врач приступил к осмотру. Протокол осмотра места происшествия писал судебный следователь королевской полиции Румынии.

– Могу сказать очень странное, – откашлявшись, врач в недоумении пожал плечами. – Я... ну как... никогда не видел ничего подобного в своей практике... надеюсь, что ничего подобного уже и не увижу...

– Чьи кости? – рявкнул следователь, которому надоели длинные предисловия.

– Человеческие, – четко сразу ответил врач. – Человеческие. Судя по первичному осмотру, они принадлежат двум взрослым мужчинам. Но... – Он тяжело вздохнул, словно не решаясь продолжить.

– Что – но? – снова набросился следователь, которого порядком тошнило от этого жуткого дела.

– Но я должен сказать про одно очень странное обстоятельство... Эти кости лишены мяса.

– Что это значит? – не понял следователь.

– С костей было аккуратно срезано мясо. С каждой.

– То есть вы хотите сказать, что эти мужчины не сгорели в очаге заживо?

– Ну что вы! Ни в коем случае! – Врач аж задохнулся от такой некомпетентности. – Они даже не обуглились, так как огонь был зажжен недавно. Неужели вы сами этого не видите? – Он искренне удивился. – С костей просто срезали мясо и повесили коптиться над дымом.

– А где мясо? – У следователя округлились глаза.

– А где кровь? – в тон ему ответил уже немного пришедший в себя врач. – Если этих людей разделали, как свиной гуляш, то где кровь?

– Но зачем? Зачем это сделали? – чуть не плакал следователь, схватившись за голову.

– А вот это уже ваше дело, не мое! – развел руками врач, выдохнув.

К счастью, подробности этого жуткого разговора никак не могли дойти до убитой горем матери проводника, которую соседи с большим трудом довели домой. Войдя в дом, женщина сразу увидела, что дверь, ведущая в комнату сына, открыта. С надеждой бросилась туда...

Окно в комнату было распахнуто, на подоконнике лежала какая-то зеленая слизь. Но самым страшным было другое: посреди комнаты стояли резиновые сапоги, испачканные илом и речной тиной. Это были сапоги ее сына...

Глава 4

1 марта 1940 года, Одесса

Зина тяжело вздохнула, скривилась поневоле и уставилась в окно. Ну вот, как все хорошо начиналось...

«Пропадают люди» – глупость тупой крестьянки просто выводила ее из себя! Ну как, ну вот как взрослый, почти образованный человек, грамотный – все-таки студентка хорошего вуза – может верить во всю эту чушь! Почему люди так доверчивы?

Наверное, все это ясно отразилось на ее лице, ведь Зина не умела скрывать свои чувства, потому что девушка вдруг вздрогнула и как-то неожиданно решительно для себя подалась вперед:

– Вы не верите мне, как не верят все? Но ведь я же говорю правду!

«Как не верят все...» Эта противная фраза тоже вывела Зину из душевного равновесия. Тут же захотелось встать в позу – руки в боки, типа рога на таран, и заявить с наглой решительностью: «Я не все!» Но такой детский сад остался для Зины далеко в прошлом.

Это было странно, но подобная фраза словно послужила катализатором. И вместо того, чтобы встать и уйти, сославшись на неотложные дела, Крестовская уперлась ладонями в стол и, глядя в упор на девчонку, произнесла веско и решительно:

– Значит, так, девочка. Давай серьезно и по-взрослому. Я тебе не суеверная доверчивая односельчанка. Видела в своей жизни такое, что тебе и не снилось. Уж можешь поверить. Я в морге работала, довольно долго – думаю, это многое может тебе сказать. Так вот, сейчас мы с тобой сделаем то, что тебе не предлагали все... – Зина запнулась, мгновенно укорив себя, что не удержалась от этого незаметного, показного дешевого ехидства... – Сейчас ты расскажешь мне всё. Абсолютно все. Как есть. Все, что знаешь. А уж я сама сделаю выводы – пропадают, не пропадают, куда пропадают все эти твои люди... Договорились?

И тут впервые за все время этого разговора в глазах девушки появилась жизнь. Она закивала головой так энергично, что казалось – еще одно неловкое движение, и голова ее свалится с худенькой шеи. А потом она очень быстро, сама себя перебивая, принялась говорить.

Звали ее София Мереуца. Жила она в небольшом селе на левом берегу Днестра. Население – молдаване и украинцы. Село, так же, как и вся территория Левобережья и Бессарабия, находилось под румынами. Местные жители не любили их, ведь первое время румыны пытались наводить довольно жесткие порядки, а сельчане не терпели дисциплины и каких-нибудь порядков. Когда сопротивление стало возрастать, румыны несколько ослабили давление на село, хотя жесткие наказания остались.

Тут активно процветала контрабанда, впрочем, так же, как и во всех прибрежных селах. А еще очень многие местные жители мечтали перебраться в Советский Союз, считая, что там жизнь лучше. С экономической точки зрения это было правдой: советы предоставляли хоть какую-то гарантию работы и зарплаты, а сельчане мечтали учить своих детей, чтобы те вырвались отсюда.

Для этих целей были проводники – контрабандисты, которые переправляли людей на территорию советов. Стоило это недешево, однако селяне изо всех сил копили деньги, а затем, купив фальшивые документы с помощью тех же контрабандистов, переправляли через реку своих детей. Так же мечтали поступить и родители Софии Мереуцы.

Но они были очень бедны, и все не могли собрать нужную сумму. Помог местный парень, который служил проводником у контрабандистов.

Как поняла Зина, парень влюбился в Софию, и у девчонки были с ним связь, хотя та и не признавалась, а родители наверняка ничего не подозревали. Он помог Софии деньгами и уговорил родителей рискнуть. Он же раздобыл фальшивые документы, устроил Софию в Одессе и продолжал помогать деньгами. Девушка при этом всем говорила, что эти деньги дали ей родители.

Зина прекрасно понимала Софию, но, глядя в ее черные, «правдивые» глаза, видела ее насквозь. Конечно, она беспокоилась о родителях, и это было понятно. Но гораздо больше родителей ее волновала судьба парня, связавшегося с бандитами. Судьба ее первого мужчины... И она даже не могла подозревать самого простого – того, что наверняка у него не одна София, а на все окрестные села – таких штук сто...

Наскучила, нашел игрушку посвежей – вот и перестал помогать деньгами. История стара, как жизнь. Зинаиде Крестовской было бесконечно жаль сидящую перед ней девочку, которая впервые столкнулась с мужской подлостью. Но она не могла сказать об этом. Ну не могла.

Все, что могла, это молча позволять этой девочке врать, честно глядевшей в глаза, и думать, как помочь выкарабкаться из ситуации, которая ей, Зине, казалась отвратительной.

За своего парня девчонка боялась по-настоящему, Крестовская видела это прекрасно. Впрочем, это не мешало Зине внимательно прислушиваться к рассказу.

После того, как румыны ослабили контроль в селе, оставив только приграничные посты, контрабандисты почувствовали себя свободнее. И все чаще партии мужчин ходили через реку, с головой погружаясь в жестокий контрабандный промысел. Но все было спокойно до тех пор, пока не исчезла целая семья, живущая возле одного из самых посещаемых тайников. Их дом стоял у самой воды. И, чтобы ничьего внимания не привлекал свет, по приказу румынских властей все окна в этом доме были забиты железными ставнями.

Именно поэтому пропажу и обнаружили – железные ставни валялись на земле вместе со стеклами, выбитыми из рам, а сами рамы были выворочены.

В этом доме обитали двое ничем не приметных стариков. Занимались огородом, продавали овощи – тем и жили, довольно скудно, по всем меркам. Обоим им, мужу и жене, было под 70.

Старик плохо передвигался и ходил с палочкой, старуха держалась поживее. Именно она и ездил продавать свой урожай, все и держалось на ней.

В хозяйстве у них были две охотничьи собаки. Худые, тощие, они выли с утра до вечера от голода. Будка их стояла в огороде, чуть дальше от дома, и отчетливо просматривалась с дороги. И вот проходившие по дороге заметили, что будка пуста. Но, правда, сначала не придали этому внимания – мало ли, ведь собаки могли подохнуть от старости и от вечного голода...

А вот ставни... Их увидели с реки рыбаки. Тут же побежали к старосте села. Он собрал самых крепких мужиков и вместе с ними отправился к дому.

Дверь была открыта настежь. Но когда сельчане вошли внутрь, то никого не обнаружили. Внутри было пусто, а сами старики исчезли.

И как-то сразу было понятно, что сами они уехать куда-то не могли: в комнатах все выглядело так, словно жившие здесь вышли на минуту, а потом почему-то не вернулись. Все вещи были на месте.

В остывшей печи стоял обед – каша и суп. На столе были разложены овощи, почищенные наполовину. В корыте – замочено белье. В комнате на полу стоял недоплетенный силок – старик плел такие из гибких веток ивняка, чтобы ловить диких кроликов.

На кровати валялась раскрытая румынская газета. В чашке на столе было недопитое молоко, уже успевшее прокиснуть. Все выглядело так, словно обитатели дома где-то рядом.

Мужиков, ввалившихся в дом, вдруг охватил суеверный ужас. Позже многие из тех, кто участвовал в поисках, говорили своим женам, что никогда еще не было у них такого жуткого, леденящего страха, как в этом месте, где живые люди словно в воздухе растворились.

Староста сообщил румынским властям. Те выделили солдат на поиски. Прочесали все окрестности вокруг, даже соседние села. Стариков не нашли. Все знали, что старые супруги абсолютно одиноки – детей у них не было, а родственники давно поумирали. То есть уехать куда-то они не могли. Да и как бы бросили они дом, вместе со всеми своими вещами?

Под половицей, в полу, был обнаружен даже их тайник – там было всего несколько золотых монет, все их жалкое состояние...

Вместе со стариками исчезли и собаки. Будка была пуста. А в самой будке расследовавших это дело ждало совершенно неожиданное открытие.

Дело в том, что собаки всегда сидели на цепи. Цепь эта заканчивалась на шее железным кольцом – ошейником. Чтобы освободить животное, нужно было разомкнуть этот самый железный ошейник. Но оба ошейника... были замкнуты! То есть собаки исчезли... прямо из закрытых ошейников! Как могло произойти подобное, никто не знал. Объяснить это все было невозможно, никакое объяснение не поддавалось обычной человеческой логике.

В общем, никаких следов стариков и собак не нашли. Зато через несколько дней в камышах рыбаки обнаружили страшную находку.

Девушка передохнула, сглотнула и продолжила.

Посреди одной из полян возле реки был сложен круг из белых камней. Внутри круга догорал костер. А над костром коптились кости, которые были намного больше костей животных. Позвали лекаря, который практиковал в селе. Он внимательно все осмотрел и сказал, что эти кости принадлежат людям. Они человеческие.

– Стоп, стоп!.. – от всего услышанного у Зины кругом пошла голова. – Это были точно человеческие кости? Крупные?

– Точно человеческие, – кивнула София. – Я их видела. Прокралась к мертвецкой поздним вечером, посмотреть тайком. Лекарь меня впустил. Он знал, что я хочу врачом стать, в медицинский поступать буду. И теперь, когда я анатомию изучаю, я точно сказать могу. Это были человеческие кости. К тому же, не одного человека. Они явно принадлежали двум людям. Причем один человек был крупнее, другой – меньше. Это явно были мужчина и женщина. Тот старик был намного крупнее своей жены.

– Подожди, – перебила ее Зина, – сколько дней прошло с момента исчезновения стариков?

– Четыре, – София вскинула на нее глаза.

– Кости были без мяса?

– Без мяса. Гладкие, белые... Как будто отшлифованные.

– Но за четыре дня трупы не могли разложиться до костей! – строго посмотрела на нее Крестовская. – Ты же будущий врач – уже должна это знать.

– Я знаю, – смутилась София.

– С костей могли срезать мясо?

– Нет. Поверхность была не поврежденная. Если бы срезали, шматочки мяса могли бы остаться, – как-то жалобно произнесла она.

– Ладно, – продолжала Зина. – В доме стариков были обнаружены следы крови?

– Нет, никаких. Там было много человек, кто-то бы проговорился. Такое не смогли бы скрыть... – помотала головой София.

– А собачьи кости там были, ну, в этом очаге? Мелкие?

– Нет. Собачьих – нет. Они были бы заметны сразу, они бы отличались.

– Значит, предположим следующее, – Крестовская задумалась. – Так, допустим, взломали окна, вытащили стариков через них. Но почему они не пытались бежать? Это странно, – нахмурилась она.

– Очень, – вздохнула София, – очень странно. Но кости явно принадлежали старикам! А потом было еще такое...

– Что еще такое? – насторожилась Крестовская.

– Еще люди пропадали. Так же. Я вам все расскажу... – заторопилась девушка.

Но вместо того, чтоб заговорить, резко замолчала, вдруг отвела глаза в сторону и словно отпрянула назад. В столовую входила группа студентов. Возможно, среди них были ее знакомые или просто она не хотела, чтобы ее видели в компании преподавательницы. Впрочем, это было не важно.

Страшный рассказ стер все краски на лице Софии. И одновременно заставил Зину повнимательнее посмотреть на нее. У Крестовской вдруг мелькнула страшная мысль: а что, если девочка сумасшедшая?

Ведь бывают же такие природные патологии. И от возраста не зависит склонность к шизофрении. К тому же она могла быть и наркоманкой, например, морфинисткой.

Но сознание врача, привыкшее анализировать любую мелочь, тут же опровергло эти подозрения. Девушка не была наркоманкой, Зина не могла так ошибаться. Сумасшедшей – возможно. Наркоманкой – нет.

– Вы не верите мне, – из погружения в собственные мысли ее вырвал тихий голос, – вы совсем не верите мне.

– А должна? – спросила Зина со всей возможной суровостью, которую и раньше не считала таким уж недостатком, а теперь – и давно.

– Нет, не должны, – девушка печально покачала головой. – Вы думаете, что я сумасшедшая. Вдруг тронулась умом, всякое возможно. Но я покажу вам одну вещь. Может, это вас убедит.

– Что за вещь? – насторожилась Зина.

– Лекарь, который осматривал кости, позволил мне взять на память и сделать из этого сувенир.

– Вы о чем? – все не понимала Крестовская.

– Вот, смотрите, – порывшись в кармане, девушка что-то вытащила и протянула Зине. – Это брелок. Посмотрите внимательней.

Крестовская осторожно взяла это в руки и тут же едва не уронила.

На тонком железном кольце, как у настоящего брелока, висел безымянный человеческий палец. Отполированная кость была покрыта специальным раствором для сохранения. Этот раствор мумифицировал ее, закрепил, удалил запах. Казалось, этот страшный сувенир вырезан из слоновой кости.

Но это был самый настоящий человеческий палец. И впервые в жизни с Зиной произошло невероятное. После работы в морге, после расследования череды страшных преступлений ее затошнило!

Тошнота подступила с такой силой, что у нее потемнело в глазах. Не в состоянии совладать с собой, она бросила жуткую вещь на стол. Чудовищный брелок упал вниз с легким звоном. И ни за что на свете Зина бы не смогла заставить себя прикоснуться к нему.

– Вам страшно, – губы девушки искривила странная ухмылка, которой Крестовская, при всем своем опыте, не могла подобрать название.

– Зачем тебе это? – Зина не могла скрыть нервную дрожь.

– На память, – спокойно ответила София. – Просто на память. И еще чтобы понять то, что произошло. Нет, другой цели нет, не бойтесь!

– А если это у тебя найдут? Что будет тогда? – Крестовская ничего не могла понять.

– Можете не волноваться, – девушка продолжала странно ухмыляться, – никому и в голову не придет, что это такое на самом деле. Подумают, что игрушечный сувенир. Ну, отломила от учебного скелета. Люди ведь очень глупы. Вы себе даже не представляете, насколько...

– Ты показывала это своему парню? – спросила Зина в лоб.

– Какому еще парню? – Девчонка с испугом отпрянула от нее.

– Который отправил тебя сюда. Ведь с этим контрабандистом у тебя роман. Можешь заливать кому угодно, но я тебя вижу насквозь.

– Ну да, вы правы, – София снова ухмыльнулась. – Он сказал, что я дура, что это взяла. Мол, плохо это. Да и неприятности могут быть.

– Он прав, могут, – жестко произнесла Зина.

– А мне все равно! – София с вызовом взглянула на нее. – Может, мне просто интересно? Впервые что-то интересное произошло в моей жизни! И я останусь в стороне?

– На самом деле тебя интересуют не кости, а судьба твоего парня, – сказала Зина.

– Он не мой парень, – резко отрезала София. – Вернее, не только мой. Вы думаете, я не знала, как он таскается, сколько у него баб? Конечно, мне интересно, что с ним произошло...

– Ты сказала, что были еще исчезновения, – Крестовская мягко направила разговор в нужное русло, – что исчезали люди.

– Да. Вдова Розмара, например, – охотно подтвердила девушка.

– Что за вдова Розмара? – уточнила Зина.

– Она жила в доме рядом с рыночной площадью в соседнем городке и давала деньги в долг, – София живо начала свой рассказ.

По ее словам, вдова Розмара была очень богатой женщиной – шутка ли: у нее был свой каменный дом в два этажа. И у нее одалживали деньги даже румынские власти, если у кого-то из начальства были крупные денежные затруднения.

Унаследовав от покойного мужа несколько лавок и ростовщическое дело, Розмара развернулась вовсю. Деловой хватки ей хватило на то, чтобы создать процветающее предприятие, а потом устоять на ногах.

В отличие от властей, которые пользовались ее услугами, и местные жители, и жители окрестных деревень очень не любили Розмару. Да и было за что: она брала самые большие проценты, никогда не шла на уступки и была очень злой.

Поэтому, когда Розмара вдруг пропала, жители испытали самое настоящее облегчение. Исчезновение вдовы обнаружила служанка, которая, как обычно, рано утром вошла в дом. В спальне была расстелена кровать, окно – плотно зашторено, а на тумбочке рядом с кроватью

стояла недопитая чашка с кофе. То есть создавалось впечатление, что женщина исчезла прямо из своей спальни...

– А двери дома? – перебила рассказчицу Зина.

– Заперты изнутри, – ответила София, не замешкавшись, и тут же продолжила свой рассказ.

По факту исчезновения Розмары сразу возбудили дело – вмешались румынские полицаи. Они посчитали, что вдову убил кто-то из многочисленных должников, а тело убрал, чтобы скрыть следы преступления.

– Но так и могло произойти, – снова вмешалась Зина, – ростовщики редко умирают своей собственной смертью.

– Да, возможно, так все и было. Так и думали, – кивнула девушка, соглашаясь, – до того самого момента, как Розмару нашли.

– Что? – Такого поворота в разговоре Крестовская не ожидала.

– Вернее, то, что от нее нашли, – добавила София.

Страшную находку обнаружили в подвале соседнего заброшенного дома, в котором долгое время никто не жил. И вот однажды живущий напротив старик, страдающий бессонницей, неожиданно увидел в окнах подвала свет.

Был он не робкого десятка. А потому, схватив ружье, помчался в пустой дом. Надо сказать, что после исчезновения Розмары все жители серьезно испугались, и во многих домах появилось оружие.

Старик прогнал из подвала вездесущих мальчишек и вдруг почувствовал, что там стоит очень странный запах, просто невыносимый.

Будучи человеком немолодым и опытным, он сразу определил источник отвратительного запаха: деревянный ящик с приоткрытой крышкой, стоящий в углу.

Подойдя, старик открыл крышку. Он много повидал на своем веку, но когда разглядел то, что находится там, с криком выбежал на улицу, а добравшись до дома, слег с нервным припадком.

В ящике лежал труп вдовы Розмары. Выглядел он необычно: тело вспухло, раздулось, было абсолютно черным, словно вся кровь застыла под кожей. А лица просто не было: все его черты были уничтожены, словно вытерты.

– Как же ее опознали? – не поняла Зина.

– По медальону на шее и по фрагментам одежды, – ответила София охотно. – А еще на левой руке у нее не хватало мизинца. Так что родственники опознали, что это она.

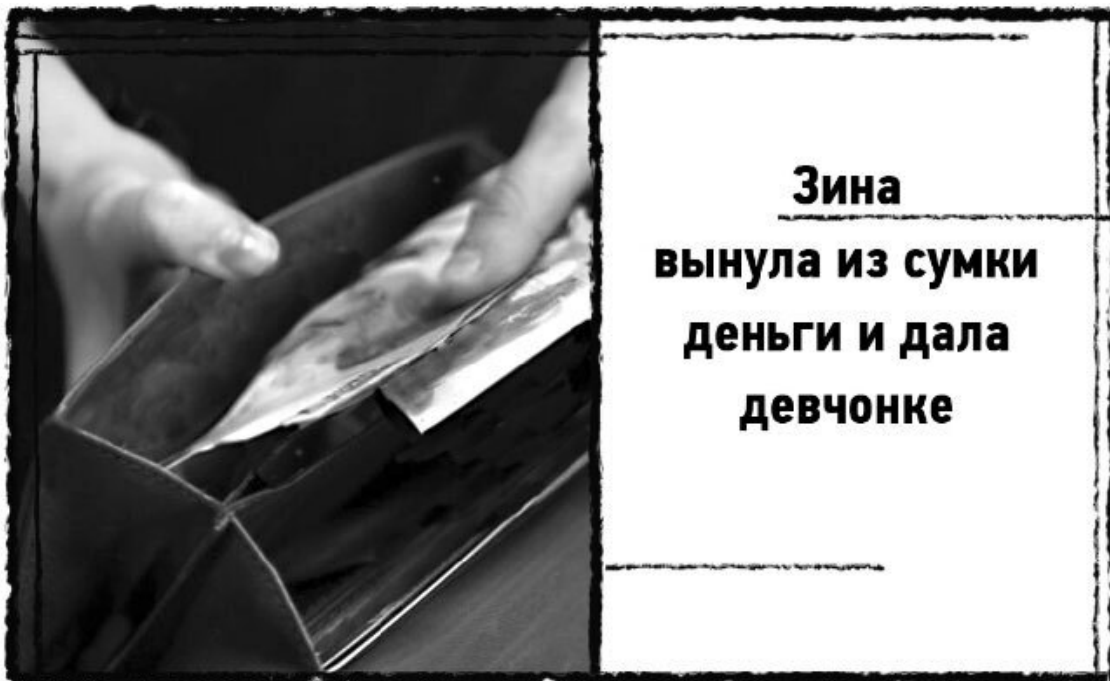
– Черный труп? – переспросила Крестовская. – Похоже на яд... – задумалась она. – Кроме того, от некоторых ядов тела раздувает.

– Но самым страшным было не это, – перебила ее София, – а то, что нашли в ее волосах.

– Что? – машинально спросила Зина.

– Осколки человеческих костей. Тех самых, которых не хватало в скелетах стариков. И внутри некоторых костей находилась зеленоватая слизь...

Глава 5

1 марта 1940 года, Одесса

– Это не исчезновение, – Зина раздраженно пожала плечами, – это самое настоящее убийство. Ее убили, чтобы не отдавать долг, а потом спрятали труп. Что здесь такого мистического?

– Кости, – четко ответила девушка, – кости и странное состояние тела. Почему оно распухло?

– Вскрытие делали? – машинально поинтересовалась Крестовская.

– Да какое там вскрытие в селе, – усмехнулась София. – Хоть вдова и в городке жила, а все равно почитай село. Лекарь наш, правда, что-то там старался. Но ничего не нашел, не смог определить, что за яд.

– Она занималась контрабандой? – в лоб, без предисловий, спросила Зина, не отводя глаза. – С твоим парнем работала? Наверное, богатела на контрабанде?

– Как вы догадались? – Тут София чуть не заплакала. – Ну да... И у них роман был. Но парень мой ни при чем! Она со всеми крутила, потаскуха старая! Богатая ведь...

– Ты боишься, что парень твой виновен в убийстве? – все допытывалась Зина.

– Это не он ее убил! Не он! – чуть ли не рыдала девчонка. – Утром, когда вдова исчезла, он был со мной! Мои родители тогда в Тирасполь уехали. И он ко мне ночевать пришел...

– Понятно, выгораживаешь, – усмехнулась Крестовская. – Следователь тебя о чем-то спрашивал? – продолжала она жестко.

– Что вы! Никто даже не знал, что он остается у меня ночевать! – искренне воскликнула София.

– А его спрашивал?

– Его – да. В участок отвели. Допросили и выпустили. Он сказал, что у друга ночевал, и друг подтвердил. Ну и выпустили, ведь он ни при чем!..

– Успокойся, – сурово произнесла Зина, – рыдать будешь потом. Тут нужно все понять.

– Вы мне поможете, правда? – София с надеждой смотрела на нее.

– Увидим, – процедила Зина, ей не хотелось ничего обещать. – А брелок убери. Это чудовищно.

Девчонка поспешно сунула брелок обратно в карман.

– Ты знаешь, где твой парень останавливается в Одессе? Кстати, как его зовут? – спросила Зина.

– Степан Корческул, – поспешно ответила девчонка. – Он комнату снимает на Бугаевке. С хозяином.

– Ты там была, конечно, – посмотрела на нее Зина.

– И не один раз, – закивала София. – Была, но в Одессе он пока не появлялся. Хотя должен был приехать еще неделю назад.

– Паниковать прекрати, – строго приказала Крестовская. – Если хочешь, завтра вместе туда пойдем, попробуем найти твоего контрабандиста. Как думаешь, он знает, кто вдову убил?

Вместо ответа девчонка заплакала. Зина, глядя на нее, сурово поджала губы.

– Скажи мне, вот только правду скажи, – она прямо смотрела на Софию, – кто первым пустил слух о том, что пропадают люди?

– Слух? – От неожиданности девчонка даже перестала плакать. – Почему вы говорите так?

– Потому, что это правда. Ну сама подумай. Вот что означает, что человек исчез? – Зина сделала паузу. – Ну? Ты как думаешь?

– Я... Не знаю... – София моргала так быстро, что у нее снова заслезились глаза, и Зина вдруг подумала, что это ребенок, всего лишь ребенок, неожиданно быстро ставший взрослым и так и не сумевший окунуться в суровую взрослую жизнь.

Она размеренно, как преподаватель студентам, произнесла:

– Исчезновение человека означает, что нет никаких следов. Совсем никаких. Понимаешь?

– Не очень, – София все еще продолжала моргать.

– Смотри, – вздохнула Крестовская, – я попытаюсь объяснить совсем просто. В первом случае из дома исчезли старики. Но через несколько дней были найдены их кости. Конечно, нет твердой гарантии, что эти кости принадлежали им. Но предположить такое возможно. Значит, есть след. А раз нашли кости, это уже не исчезновение, а убийство. Убийца выманил стариков или выкрал из дома, расправился с ними каким-то страшным, пока непонятным способом. В результате были найдены кости. Это означает, что речь уже идет не об исчезновении людей, а об убийстве.

– Да, вы правы, – девушка вздохнула с каким-то судорожным отчаянием, – я как-то не подумала об этом...

– Следующая история, – продолжала Зина, – вдова Розмара. Ну, тут вообще все просто. Был найден труп. И труп опознали, так? Несмотря на его ужасное состояние?

– Ну... да. Труп опознали.

– Значит, снова убийство. Видишь, люди не исчезают! Их убивают. Причем убивают ради какой-то определенной цели. Скажи, вдова могла быть знакома со стариками?

– Я... не знаю. Об этом никто не говорил.

– Но если предположить теоретически? К примеру, старики могли взять деньги в долг у вдовы. Ведь многие же знали, что она одалживает деньги под процент?

– Ну... да. Так могло быть.

– Вот и первая ниточка. Могло быть какое-то обстоятельство, которое объединило этих людей. Значит, и в случае вдовы нет никакого исчезновения. Это убийство. Так кто же первым сказал про исчезновение людей? Вспоминай! Это может быть важно.

– Священник, – София вдруг вскинула на Зину ясные, но встревоженные глаза, – наш священник на воскресной проповеди! У нас ведь не так, как здесь, у вас, в городе. У нас по

воскресеньям всем селом ходят в церковь. Сначала служба, а потом священник говорит. Вот он и сказал...

– Что именно? Вспоминай, вспоминай!..

– Да меня в тот день не было... Я в церковь тогда не пошла. С родителями поссорилась, – вздохнула София.

– Из-за парня?

– Да. Он им не нравился, потому, что соседка маме сказала, что он с разными девушками встречается. Еще с двумя, кроме меня. Одна у нас, другая – в соседнем селе...

– А тебе это нравилось? – Зина усмехнулась, но тут же согнала с лица ухмылку – все же это выглядело слишком жестоко.

София промолчала. Было видно, что она переживает и этот вопрос ей не нравится.

– Кто рассказал тебе о проповеди? – поняв это, Зина быстро перевела разговор – говорить на эту тему не имело никакого смысла.

– Мать и рассказала, вечером, за ужином, – вспоминала София, – да как-то тревожно так рассказала... Мол, священник сказал, что люди исчезают потому, что их Бог наказал. За грехи, за то, что подлизывались к волкам в овечьей шкуре... Посланным за грехи...

– Про кого это он так?

– Про румын. У нас все знали, что священник на стороне красных. Он всегда открыто говорил, что зря мы пустили на наши земли румын, мол, навлекли проклятие предков, а дружить надо было с советами, они за людей... И все такое...

– Почему же румыны не арестовали вашего священника?

– Да не посмели. У нас в селе его любили все. Если б его кто тронул – такое бы поднялось! А он всегда так говорил... И люди к нему прислушивались.

– Значит, именно священник сказал, что это не убийства, а исчезновение... – Зина задумалась. – Интересно... И что, никто из жителей даже не заметил этого странного противоречия?

– Так у нас же люди простые, – пожала плечами София, – им говорят – они верят.

– А кто сотрудничал с румынами? – продолжала допытываться Крестовская.

– Да многие из села. Кстати, и старики пропавшие тоже – они им овощи продавали. И вдова, которая всему румынскому начальству давала деньги в долг. Все так и поняли, про кого священник сказал, – про стариков и Розмару. Мол, навлекли на себя гнев своими грехами.

Зина задумалась. Священник, пользующийся авторитетом в селе и уговаривающий местных, темных крестьян не сотрудничать с румынами, а надеяться на приход красных, – все это очень напоминало методы Бершадова. Зина даже и не сомневалась, что священник – агент НКВД.

О том, что СССР мечтает вернуть Бессарабию, забрать эти земли у Румынии, знали абсолютно все, кто хоть что-то понимал в политике, а Зина начала неплохо в ней разбираться – в силу обстоятельств, в которых оказалась.

Раз СССР так заинтересован в землях вдоль Днестра, значит, этим вопросом занимается внешняя разведка, и на подконтрольных Румынии территориях работает огромное количество агентов, подготовленных ведомством Бершадова. Уже ясно, что священник – один из таких.

Но почему большевики велели ему сделать акцент именно на исчезновении людей, а не на жестоких убийствах? Что за этим кроется? Убийства, с точки зрения пропаганды, выглядели намного, так сказать, привлекательнее: в них с легкостью можно было обвинить румын. Так почему он этим не воспользовался?

– Как звали священника? – спросила Зина.

– Отец Григорий.

– Русский? – удивилась она.

– Ну да, русское православие. У нас все жители ходят в православную церковь. А румыны хотели, чтобы ходили в костел. Но никто не пошел.

– Отец Григорий, – отдельно повторила Крестовская.

Однозначно агент Бершадова, иначе просто быть не может! Интересно, интересно!.. Зина задумчиво уставилась в окно, не замечая, что день клонится к вечеру, а с девчонкой в столовой она сидит уже несколько часов.

Ей была действительно интересна история, рассказанная Софией. Мысли, работая логично и четко, текли в определенном направлении. Крестовская старательно обдумывала все, что услышала, а здесь действительно было над чем подумать.

В какой-то момент Зина неожиданно впервые поймала себя на том, что ей больше не скучно жить! Жизнь снова заиграла новыми красками, а кровь заструилась в венах. Не имея возможности посмотреть на себя в зеркало, она могла поспорить на что угодно, что у нее даже появился румянец на щеках!

Эта абсолютная неожиданность такого непредсказуемого возвращения к жизни просто повергла ее в шок!

Зина чувствовала, реально ощущала вкус жизни, горячей, как обжигающий чай в морозную ночь, пьянящей, как хороший коньяк. Как же ей не хватало всего этого – бесконечные месяцы тоски, какая-то тяготица, когда Зина совсем не понимала, как и чем себя занять, а дни ложились под ноги сплошной серой массой...

А тут ей захотелось жить, захотелось думать, действовать, погрузиться в опасность, узнать то, о чем пока не знает никто, почувствовать вкус пьянящего вина жизни вместо жидкого кефира будней...

После всего, что Крестовская пережила, обычная жизнь была больше не для нее. А тут появилась реальная, настоящая загадка! И все это совершенно случайно.

Подумать только – не обрати она внимания на эту девчонку, ничего бы и не было! Зина содрогнулась от этой мысли. Ей так не хватало расследований, логических загадок! А здесь есть шанс. И Зина чувствовала себя счастливой, невероятно счастливой!

И не собиралась отказываться от этого счастья.

– Сделаем так, – она приняла решение мгновенно, так, как поступала всегда, – я дам тебе денег, какое-то время ты продержишься. А помимо этого, постараюсь сделать так, чтобы даже по своим фальшивым документам ты получила стипендию. Я решу этот вопрос в деканате. Ты ведь учишься на стипендию?

– Конечно, но вам не надо, я не возьму... – слабо запротестовала девушка.

– Возьмешь. В твоей ситуации деньги – это оружие. Ты должна выжить, – жестко сказала Зина, – поэтому ты будешь держаться, и мы станем выжидать. А вот через пару дней...

– Что через пару дней?

– Если твой парень не объявится, мы наведаемся к нему в ту комнату, которую он снимает на Бугаевке.

– А если объявится?

– Если объявится, ты спокойно, как ни в чем не бывало, будешь с ним встречаться и ни словом не обмолвишься о том, о чем рассказала мне. Ты поняла? Только так ты сможешь его спасти! Ведь он жертва номер один, которую со дня на день могут добавить к этим убийствам.

– Я поняла, я сделаю все так, как вы скажете, клянусь вам... – залепетала София, и Зина усмехнулась – она и не сомневалась, что та все сделает именно так, как было велено. Слишком уж хотелось ей вытащить парня из беды, несмотря на то что он был бабник и сволочь.

Зина прекрасно понимала Софию: большинство женщин были подвержены именно этой болезни. К сожалению, женский организм устроен именно таким образом, и Крестовская знала это лучше, чем кто-либо другой: любовь просто отключает мозги, сколько их там есть.

– Так вот – через пять дней... – Зина сделала паузу, пристально глядя в глаза Софии, – как я сказала, мы все-таки наведаемся в комнату, которую снимает твой парень.

– Зачем? – разволновалась девушка.

– Чтобы обезопасить его, – пожала плечами Крестовская, прекрасно понимая, что это правда – но не вся. Часть правды... А кто сказал, что надо говорить всю? Тем более, что Зина не сомневалась – парень связан с этой историей, более того, глубоко в ней увяз... А вот выберется ли? Ее жизненный опыт подсказывал – вряд ли. Но она не собиралась этого говорить.

Зина достала из сумки деньги и дала их Софии. К счастью, Виктор Барг зарабатывал очень хорошо, и у Крестовской всегда был полный кошелек. Одним из плюсов совместной жизни было то, что Зина больше не нуждалась в деньгах. Тем более, что она подозревала, что Виктор продолжает брать левые заказы.

Но этот плюс, к сожалению, не смог компенсировать тех больших минусов, которые встречались на каждом шагу.

Вечером Крестовская вернулась домой в невероятно приподнятом состоянии духа. Виктор сразу увидел ее радостное лицо.

– Что с тобой? Что произошло? – улыбнулся он.

– Я узнала историю села, в котором пропадают люди! – с порога выпалила она, как никогда счастливая.

Ответом ей было глубокое и долгое молчание. И впервые в жизни Зина подумала, что молчание может убивать так же, как крик. Вернее, как выстрел в упор.

За ужином она не выдержала:

– Тебя не интересует то, что я узнала?

– Нет, – Виктор спокойно отложил в сторону нож и вилку, залпом выпил стакан воды. – Это может как-то повлиять на нашу жизнь?

– В каком смысле? – не поняла Зина.

– Ты вернулась домой. Мы живем вместе. У нас семья. Почему же мы должны говорить о том, что никак не может повлиять на нас? – спокойно проговорил Виктор.

– Ты серьезно? – Зина не верила своим ушам. Человека, в которого она влюбилась когда-то, словно кто-то подменил. Перед ней сидел глубокий старик – и он абсолютно не понимал ее, Зину. Более того, и не пытался понять.

– Абсолютно, – кивнул Виктор. – Откуда ты пришла? – он уставился на нее в упор.

– Что? – растерялась Зина, не готовая к такому разговору. – Из института, ты же знаешь. Я в институте работаю.

– Тогда почему мы говорим о каких-то исчезнувших людях из деревни, к которой не имеем отношения ни ты, ни я? Разве это прерогатива преподавателя, распутывать такие жуткие истории?

– Я не простой преподаватель, ты же знаешь это, я не такая, как все, – слабо попыталась оправдаться Зина. Она чувствовала себя так, словно сидит за рулем машины, из последних сил давит на газ и мчит напрямик в бетонную стену, чтобы, на всей скорости влетев в нее, разбиться в лепешку.

– А кто ты? Ты агент НКВД? Ты работаешь на палачей из этого ведомства?

– Виктор, пожалуйста, прекрати!

– Тогда зачем? Объясни, почему ты вечно лезешь не в свое дело?

– Я скажу тебе правду. Хорошо... – Зина помолчала. Затем, собравшись, заговорила: – Мне скучно жить, – она вскинула на него глаза, не собираясь отводить взгляд, – мне скучно. Я не могу жить, как обычный преподаватель, так, как живут все! Неужели ты этого не понимаешь?

– Нет, не понимаю. И не хочу понять. Может, и я тебе скучен?

– Это здесь при чем? Разве это влияет как-то на наши отношения? – Зине хотелось плакать, но она сдерживалась изо всех сил.

– Имеет. Ты их рушишь. Еще одна твоя история – и будет разрушено все.

– Моя история? – Зина почувствовала, как вместе со слезами подступает ярость. – Или твоя?

– Ты имеешь в виду, то, что давно прошло. Я изменился, и хочу быть с тобой. Я хочу семью. Мне нужна домашняя женщина, которая обеспечит мне семейный уют, а не будет лезть в истории с окровавленными трупами. – Виктор говорил спокойно, но в этом спокойствии чувствовалось раздражение.

– С трупами? – мгновенно насторожилась Зина. – Я ничего не говорила о трупах. Значит, ты продолжаешь общаться с Игорем? По теме работы в лаборатории?

– Игорь больше не работает в лаборатории. Он здесь, в Одессе, его перевели в другой отдел, – нехотя признался Барг, отводя глаза в сторону.

– Что за отдел? – не отставала Зина.

– Охраны. Внешней охраны ведомственных предприятий.

– Лжешь, – у Крестовской даже скулы свело от ярости, когда она с легкостью прочитала на лице Виктора, что тот говорит неправду. – Ты лжешь. Считаешь меня непроходимой дурой? Ты думаешь, я ничего не понимаю?

– Ну... Я не знаю подробностей... Ты все не так поняла, – потупился он.

– Значит, разведка. А вот внутренняя или внешняя – я это узнаю. Может быть, ты видишься и с Лорой?

– Ты прекрасно знаешь, что я понятия не имею, где находится Лора! – воскликнул Барг.

– Тогда почему ты так нервничаешь?

– Из-за тебя! Из-за того, что ты снова пытаешься влезть в какую-то историю, не хочешь спокойно жить.

– Я не буду спокойно жить. Запомни это, – сказала Зина, вставая из-за стола. Накинув пальто, она вышла на улицу.

Руки у нее дрожали, и Зина с трудом прикурила папиросу. Ей казалось, что она споткнулась и летит в бесконечную пропасть. А вот как выбраться из нее, она пока не знала.

Прошло два дня. К концу второй пары в аудиторию, где Крестовская заканчивала лабораторную, впорхнула София Мереуца. Женским взглядом Зина сразу заметила, что на ней новой пальто, а в ушах поблескивают золотые сережки.

– Я пришла вернуть вам деньги, вот, – девушка порылась в сумочке и протянула Зине мятые купюры. – Спасибо вам за помощь и поддержку.

– Он появился? – спросила Зина.

– Да, со Степаном все в порядке! Мы теперь будем жить в Одессе, вместе. Он приехал. Все очень, очень хорошо! Мы выяснили все недоразумения. Никто не пропадает, а эти смерти были просто несчастными случаями. Степан мне все рассказал, – София говорила очень быстро, буквально сама себя перебивая.

– Несчастными случаями? – Зина не могла поверить своим ушам.

– Конечно! – кивнула девушка и повторила: – Он мне все рассказал. Румыны уже и дела закрыли, ничего расследовать не будут.

– Понятно. Я рада, – бесстрастно ответила Крестовская, не спуская глаз с сияющего лица Софии Мереуцы.

– Еще раз спасибо вам! – махнув рукой, та выскользнула за дверь. Крестовская задумчиво смотрела ей вслед.

Глава 6

5 марта 1940 года, Одесса

– Крестовская, срочно пройдемте со мной в кабинет!

Едва Зина переступила порог кафедры, как лицом к лицу столкнулась с заведующей. Обычно такие столкновения всегда заканчивались дежурным обменом любезностями, пусть даже сквозь зубы. Но в этот раз такого обмена не последовало. Лицо заведующей было мрачнее тучи и предвещало близкую бурю.

Крестовская была готова к бурям, они ее не пугали. Однако это не доставляло ей радости. Бури она выдерживала, но за спокойствие слишком дорого приходилось платить. И в первую очередь – острым чувством беспомощности, которое охватывало ее каждый раз, когда она сталкивалась с людской глупостью и несправедливостью. Ведь все эти спланированные нападения были в первую очередь абсолютно несправедливы. И было очень больно признать, что ее только терпят. Терпят – в угоду страшным «высшим силам», даже не догадываясь о том, что ей, Зинаиде Крестовской, эти высшие силы внушали такой же ужас, как и всем остальным.

Зина вздохнула и, набравшись терпения, решительно шагнула в кабинет следом за заведующей.

Однако там ее ждал сюрприз. Как оказалось, внутри было полно людей. Помимо заведующей кафедрой, которая тут же поспешила юркнуть в дальний угол, в кабинете были председатель профкома, начальник отдела кадров, заместитель ректора по научно-воспитательной работе. А за столом заведующей, с таким важным видом, словно он занимает свое место, разместился председатель парторганизации – суровый мужик лет 60-ти с лицом закаленного в боях большевика. Зина несколько раз сталкивалась с ним, и уже успела оценить его неуживчивость, придирчивость и тяжелый характер.

Он не преподавал, не занимался никакой научной работой, однако ни одно собрание, ни одно назначение на работу без него не обходилось. Ему принадлежала реальная власть – та

власть, которую боятся и по сравнению с которой все выговоры, даже с занесением в личное дело, всегда казались детским садом в песочнице.

Зина в растерянности остановилась посреди кабинета, в первые секунды у нее даже сбилось дыхание. Но она тут же постаралась взять себя в руки. Какого черта она ведет себя как перепуганная девчонка? В конце концов, пусть это они боятся ее, ведь она – тайный осведомитель НКВД. Даже сотрудник. Тут Зина помимо воли тяжело вздохнула: скажи ей кто-нибудь, что она будет тосковать о Бершадове, она бы расцарапала этому наглецу лицо!

И дело было не только в том, что Бершадов был единственным, кто мог ее защитить – от всех этих, да и не только от них. Без Бершадова Зине было скучно, невероятно скучно жить. Ей хотелось видеть его умное лицо, а не вот эти постные рожи, похоже, собиравшиеся устроить какое-то непонятное судилище. А то, что это судилище, Зина поняла сразу. Ей уже доводилось слышать о таких случаях, когда в чем-то провинившихся сотрудников вся эта компания резко брала в оборот. Интересно вот только, в чем провинилась она?

– Товарищ Крестовская, – откашлявшись, начал первым председатель профкома, – на вас поступил сигнал.

– Сигнал? – Зина удивленно приподняла брови, пока не зная, или обороняться, или сразу атаковать.

– Вот этот! – Резкий голос партийца заставил всех вздрогнуть. – Подойдите к столу, Крестовская!

Зина повиновалась. Хотя ей очень сильно хотелось послать этого старого хмыря, но она подошла. Прямо перед ее лицом партиец потряс бумажным листком – это был какой-то текст, отпечатанный на обычной пишущей машинке. Но прочитать его он ей не дал.

– Позвольте ознакомиться? – Зина все же решительно протянула руку.

– Не положено! – отрезал главный допрашивающий и перевернул листок текстом вниз. – Поступил сигнал о том, что в своей комнате, в комнате коммунальной квартиры, предоставленной вам государством, вы проживаете с мужчиной, который не является вашим законным мужем. Сожительствуете, так сказать.

– Ну и что? – Зина ожидала чего угодно, но только не этого. Поэтому она растерялась – но только на пару секунд.

– Как ну и что? Крестовская, вы издеваетесь? Ваше аморальное поведение позорит облик советской гражданки, доброе имя советского преподавателя! Вы студентам пример подавать должны, а вы позорите всю советскую мораль! Такое поведение не достойно советского человека!

– Эй, притормозите! – выдохнула Зина. – Допустим, это мой муж.

– Значит, вы признаетесь в этом факте? – Партиец насупил брови.

– Это мой муж, – отрезала Крестовская, чувствуя, что проваливается в какую-то пропасть.

– Товарищ из отдела кадров! – рявкнул партиец.

– Да... э... – Худенькая женщина в очках так боялась строгого партработника, что дрожала всем телом, – вот копия паспорта товарища Крестовской, из которого следует, что товарищ Крестовская разведена решением суда Центрального района города Одессы и в законном браке не состоит.

К концу этой тирады голос ее звучал все тише и тише и наконец совсем затих. Зина подумала, что эта должностная тетка сейчас упадет в обморок от переживаний.

– Дайте ей кто-нибудь воды! – засмеялась она, однако ответом ей было молчание.

– Итак, в законном браке вы не состоите, – сказал партиец. – Ну что вы можете сказать в оправдание вашего аморального поведения?

– Какое вам дело, с кем я живу? – вздохнула Зина.

– Во-первых, поступил сигнал. А во-вторых, вы работаете в коллективе!

- Коллектив коллективом, но это моя личная жизнь, – пожала Зина плечами.
- У советских людей нет личной жизни, – впервые подал голос председатель профкома, – коллектив – на первом месте!
- Вы позорите облик советского человека, – повторил партиец.
- Живу с кем хочу и как хочу, – отрезала Крестовская.
- Только из уважения к вашим заслугам мы решили поговорить с вами лично, а не вынести обсуждение вашего вопроса на общественное собрание перед всем коллективом, – подала голос заведующая кафедрой, которой, как бы она ни хотела, все же не удавалось скрыть удовольствие в глазах.
- Мне что, вам спасибо сказать? – съехидничала Зина.
- Обязательно! И не раз! – громыхнул партиец. – Хотя бы за то, что мы оставили этот сигнал у нас, а не передали дальше в соответствующие органы.
- А вы передайте! – ухмыльнулась она. – Может, меня расстреляют за то, что я сплю с мужчиной, который не является моим законным мужем.
- Все онемели. Тишина стояла такая, что Зине вдруг показалось, что время остановилось.
- Крестовская! – выкрикнул партиец, и от его окрика все словно пришли в себя. – Ваша наглость переходит все границы! Или в вашем поведении есть преступный умысел?
- Вы больной на голову, – пожала плечами Зина, который было уже все равно.
- Собрание пришло в движение – все одновременно зашевелились, заерзали, зашептали: «Какой ужас... неслыханно... возмутительно... безобразие... скандал...»
- Если вы не измените ваше отвратительное поведение, нам придется распрощаться, – снова заговорила заведующая.
- Нашли, значит, повод, – горько усмехнулась Крестовская, которой все стало ясно.
- К тому же, вы не член партии. А для преподавателя, который призван воспитывать и учить подрастающее поколение, это абсолютно недопустимое поведение, – заявил партиец. – Вы ведь собираетесь вступать в партию большевиков?
- Не собираюсь, – ответила Зина и добавила, понимая, что подписывает себе приговор: – Не хочу.
- Все собравшиеся снова зашептались, выражая свое крайнее возмущение. Это было абсолютно дрессированная публика, и время от времени Зина читала нескрываемое удовольствие в глазах главного партийца, привыкшего к абсолютному подчинению. Ему подчинялись все. Кроме нее.
- Мы даем вам время, чтобы исправить ваше возмутительное поведение, – партиец приподнял краешки губ, и Крестовская поняла, что ему нравится играть в эту страшную игру – подавить и растоптать.
- А как я должна его исправить? – ухмыльнулась она. – Расстаться с человеком, которого я люблю? Ради вас всех?
- Ради себя, Крестовская, – партиец сокрушенно покачал головой. – Вы хоть понимаете, что никто не возьмет вас на работу, если вас выгонят из института?
- Это еще не самое страшное в жизни, – Зина прямо посмотрела ему в глаза.
- Крестовская, вам следует быть аккуратнее в своих высказываниях, – партиец действительно получал удовольствие от этой игры, – когда-то они обернутся против вас.
- И против вас тоже, – в тон ему отрезала Зина. – А можно узнать, кто именно написал этот донос? И кому он адресован?
- Ректору института, – ответил партиец, – а написал сознательный советский гражданин, который не смог равнодушно наблюдать, как на его глазах совершается безобразие и попирается советский строй. Именно такие честные люди и стоят на страже интересов нашей страны.
- Честные, – улыбнулась Зина.

– Крестовская, внимательно обдумайте все то, что вы сегодня услышали. Вы можете идти, – партиец поджал губы.

Зина пулей вылетела из кабинета, сжимая кулаки. Она не сомневалась, что заведующая была счастлива, получив долгожданный повод избавиться от нее. Но больше обиды и разочарования в людях, с которыми она проработала не самые плохие годы своей жизни, Зину безумно мучило только одно: кто написал эту пакость?

Кто написал донос? В тот день все прошло кое-как, потому что Зина действительно убивалась этой мыслью. И продолжила думать по дороге домой.

Кто написал донос? Соседи по коммунальной квартире? Им Зина прямо представила Виктора – мой муж. Откуда они могли узнать, расписана она с Виктором Баргом или нет? В ее комнате живет мужчина. Всем было сказано, что это муж. Зине не 20 лет, чтобы устраивать пышные свадьбы. К тому же, она уже была замужем. В таком возрасте, как у них с Виктором, можно тайком расписаться в обычной одежде и скромно поужинать в своей комнате. Откуда же соседи могут знать, что это не так?

Второй вопрос: кто знал, что Зина преподаватель мединститута? Из всех соседей по коммунальной квартире только одна тетя Валя знала, где именно работает Зина, но в ней Зина была уверена на все сто.

Тетя Валя знала всю ее семью – маму, отца, бабушку. Маленькой держала Зину на руках. Она не написала бы этот донос. Никогда. К тому же, тетя Валя человек малограмотный, необразованный, работает продавщицей в булочной по соседству с домом. Откуда у тети Вали доступ к печатной машинке, чтобы напечатать эту пакость? Да она наверняка машинкой вообще не пользовалась никогда в жизни!

Подруги? У Зины не было подруг. После Маши Игнатенко и Дины Мартыновой она поняла, что женская дружба заканчивается для нее очень плохо. К тому же по натуре Зина была одиночкой, она не нуждалась в друзьях. Наедине с собой ей было спокойно и комфортно.

Значит, подруги исключались – по причине того, что их просто не было в окружении Крестовской, в ее жизни. Сотрудники на работе, коллеги? Но ни с кем в институте Зина не сошлась близко, со всеми держала дистанцию. Никто из коллег даже и понятия не имел, с кем она живет – с мужем, родителями, с детьми или с сорока котами... И уж тем более никому из сотрудников Зина не сообщала о том, что в ее квартире поселился Виктор Барг.

И вот тут возникал третий вопрос: печатная машинка. Зина отчетливо разглядела, что текст написан не от руки. Значит, автор – человек грамотный, умеющий печатать. И в доме этого человека, или на его работе, находится печатная машинка.

Внезапно ее осенила одна мысль. А что, если донос написала Лора Барг? Зина чувствовала, что Виктор продолжает тайком общаться с Лорой, и той могло очень не нравиться, что ее брат живет у Зины. Лора, конечно, догадалась, что Крестовская знает о ней всю правду, и могла попытаться устранить ее.

Да, но Лора не дура, она давно догадалась о связи Зины с НКВД и прекрасно понимала бы, что за такой донос ее никто не арестует.

А вот человек, не знающий о тайне Зины, мог бы подумать, что ее арестуют. Особенно, если этот человек знает Зину, ее характер, и догадывается, что в ответ на вопрос о личной жизни Зина начнет хамить. Значит, логически следует, что донос написала не Лора Барг. Кто же тогда?

И, главное, какую цель преследовали этим? Чтобы ее выгнали с работы, арестовали, предали публичному позору перед всем коллективом... Какую цель преследовал автор – устранить или опозорить? Если опозорить – это месть. Мало ли кому Зина успела насолить. А вот если устранить – тогда вопрос становится совсем другим. Тут уже все серьезно.

В таких расстроенных чувствах Крестовская наконец добрела до своего дома, так и не приведя в порядок свои мысли. Увидев ее лицо, Барг перепугался.

– Что с тобой? Что произошло? – Виктор всегда умел читать по ее глазам.
– Меня собираются выгнать из института за то, что я живу с тобой, – тяжело вздохнула Зина, падая в кресло.
– Что за чушь?! – всплеснул он руками.
– Все не чушь. Кто-то написал на меня донос. Сегодня устроили публичное судилище. Не совсем, конечно, публичное.
– Кто написал? – Виктор сел в кресло рядом с ней.
– Я не знаю. Мне же не показали. Но этот кто-то очень хорошо осведомлен о моей личной жизни и знает, что мы с тобой не расписаны, – вздохнула Зина.
– Соседи, – мрачно произнес Барг, – мне они давно не нравились. Сплетники.
– О чем им сплетничать? Ничего же не знают.
– Ну, знают или не знают, а сплетничают, – сказал Виктор. – Люди ведь глупы.
– Да уж... Теперь, по советским законами, меня выгонят из института.
– Тогда нам нужно срочно пойти и расписаться, – сказал Виктор.
– Ну уж нет! Только из-за того, что какая-то тварь написала на меня донос? – взвилась Зина. – Я скорей уйду из института. Мне давно хотелось оттуда уйти. Скучно.
– Любовь моя... – Виктор порывисто встал со своего кресла, и обнял ее, – любовь моя, я с тобой. Что бы ни произошло, я с тобой. Даже если ты уйдешь с работы, не беспокойся – я достаточно зарабатываю, денег нам хватит.
– Дело не в деньгах, – попыталась возразить Зина, но Барг крепко прижимал ее к себе.
– Я знаю. Я просто хочу, чтобы ты знала – я с тобой. Всегда тебя поддержу, всегда буду рядом. Но и ты, любовь моя, должна быть осторожнее. Я не хочу тебя терять.
– Что ты имеешь в виду? – подозрительный ум Крестовской сразу заметил: что-то не то.
– Я имею в виду, что тебе нужно вести себя потише. Не хамить им. Не ввязываться в рискованные дела. Не встречать в опасные истории. Я просто хочу, чтобы ты думала о нас. О том, что мы вместе.
– Я все время об этом думаю, – буркнула Зина, которой не понравились слова Виктора.
– Вот и хорошо. А пока тебе надо отдохнуть. Я ужин приготовил. Сейчас накрою на стол. Посидим спокойно. Не переживай. Рано или поздно выход покажется даже там, где выхода нет.
А потом они сидели при уютной ночной лампе, за столом с остатками ужина, сплетничая обо всем. И мягкое облако тепла, как пушистое, уютное одеяло, обволакивало сердце Зины. И в этом тепле таяли острые колючки обиды на людей, пронзившие мягкую плоть ее сердца, такую жесткую от пережитого, но одновременно – самую ранимую.
Крестовская была счастлива. И это счастье уютно помещалось в ее ладонях так, что она готова была бороться за него. Даже если потребуется, разорвать в клочки свою душу. Это придавало ей уверенности в том, что счастье не покинет ее долго. И Зина таяла в этой уверенности, как снег под дождем.

Глава 7

9 марта 1940 года, Одесса

Зина сложила папки, заперла их в ящике стола и вышла из аудитории, не став закрывать дверь. Было около четырех часов дня. Еще не стемнело, но близкие сумерки уже ощущались.

Это была последняя ее пара в тот день – первая пара вечерников. Людей было мало. Зина знала, что многие из вечерников не могут отпроситься с работы, поэтому вынуждены первые пары пропускать.

Меньше людей – меньше шума, а потому Крестовская не часто отмечала отсутствующих. Не отметила и в этот раз.

Она спускалась по лестнице, намереваясь не сразу пойти домой, а немного пройтись по городу. Зина очень любила такие прогулки, они поднимали ей настроение.

Вдруг она услышала знакомый голос. И, не в силах сдержать любопытства, перегнулась через перила, откуда отлично был виден нижний лестничный пролет.

По лестнице, болтаясь и смеясь, спускалась эта девушка, София Мереуца. Она была не одна, держала за руку какого-то парня. Рассмотрев его, Зина нахмурилась. Он явно не был студентом. Намного старше, здоровый деревенский лоб, сильно смахивающий на бандита... Зина сразу поняла, что это тот самый контрабандист, за которым так убивалась София. Но за таким ей убиваться явно не стоило.

На девушку он не смотрел. У него было злое, напряженное лицо зверя, попавшего в капкан. Что же касается Софии, то она ничего не видела и не слышала – кроме своей любви.

Они вышли на улицу. Зине удалось выскользнуть за ними. Повернули на Ольгиевскую, пошли по направлению к Манежной. Не понимая, зачем это делает, Зина тем не менее решительно двинулась за ними.

* * *

Впрочем, скрываться ей особенно и не пришлось. Влюбленная девушка болтала без умолку, не отрывая глаз от своего предмета обожания. Парень же был полностью погружен в свои мрачные мысли, и было видно, что он едва терпит болтовню спутницы. Поэтому, отступая, как положено, чтобы затеряться в толпе, Зина неторопливо пошла следом за ними, с интересом посматривая по сторонам.

Если бы кто-нибудь остановил ее в тот момент и спросил, зачем она это делает, ни за что на свете Зина не смогла бы ответить. Но жизнь приучила ее к одной простой истине: не всегда в конце каждого поступка стоит конкретная цель. Иногда поступки совершаются под влиянием эмоций, интуитивно, от жажды азарта и приключений, из мести, от скуки – просто так, чтобы разнообразить свою жизнь... Да мало ли безумных причин лежит в основе самых разумных поступков! Которые потом, по завершении всего, почему-то оказываются совершенно правильными и логичными.

В жизни Зины так бывало не раз, а потому она смело пошла вперед, четко осознавая, что ведет ее интуиция. Ну и скука немного – то отвратительное чувство, когда становится скучно жить, и ради этого можно сделать все, что угодно.

Парочка уже прошла Ольгиевскую, стала спускаться к Манежной, к той самой узкой части, где улица уже обрывалась вниз извилистыми, крутыми переулками. Эти переулки шли под большим наклоном, почти под острым углом, а потому зимой это было самое опасное место в городе, с точки зрения травматизма.

Некоторые дома этих переулков были словно высечены в скале. И Зина вспомнила то, что слышала о подземных домах в катакомбах, которые вырубил первые каменотесы, добывавшие ракушняк, из которого был построен город.

Подобные дома здесь, в самом центре Одессы, смотрелись невероятной диковинкой. Крестовская с интересом всматривалась в желтые камни – это были живые свидетели прошедших веков, которые рассказали бы слишком много, если бы умели говорить.

Зине было интересно и страшно. Почему-то ей казалось, что в воздухе витает запах плесени. А в некоторых местах под склонами этих чудом сохранившихся гор устраивались настоящие свалки. В гниющих отбросах рылись наглые одесские коты, плотоядно посматривавшие на блестящую рыбу чешую и отгоняющие соперников сердитым рычаньем.

Парочка пошла по Манежной прямо, не сворачивая ни в один из переулков. Зина вспомнила рассказ Софии о том, что раньше она с парнем жила на Бугаевке. Очевидно, дела кавалера пошли в гору, и теперь парочка могла обитать не в самом худшем месте Одессы. Близость Балковской ямы немного ухудшала ценность района, но все равно – жить на Манежной считалось более престижным, чем на Бугаевке.

Очевидно, терпение парня наконец иссякло, потому, что он вдруг остановился и, судя по всему, сердито рывкнул на Софию, отчего девушка резко замолчала. А затем с видом побитой собаки, уже не держась за его руку, продолжила идти за ним.

Они повернули направо, на Пишоновскую, и вошли в распахнутые настежь ворота второго дома от угла. Зине повезло: оставаясь на улице, через раскрытые ворота она могла отчетливо видеть, куда они идут. Парочка вошла в двери одной из квартир на первом этаже хлипкого деревянного флигеля, примыкавшего вплотную к каменному фасаду дома. Зина же осталась на месте, задумавшись, что делать. Рисковать, входить во двор? Это могло быть опасным. Ее могли заметить соседи или даже сама София, стоящая возле окна. Тем более, что еще не начало темнеть, да и двор был безлюден.

Пока Зина раздумывала, ей повезло – дощатая дверь нужной квартиры распахнулась, и оттуда вылетел парень Софии – красный, взъерошенный, яростно сжимающий кулаки. Он

находился в состоянии такой бешеной ярости, что едва не столкнулся с Зиной, которая не успела отскочить от ворот, и даже этого не заметил.

Крестовская радовалась только одному – тому, что он не заметил ее. Очевидно, любовники серьезно поссорились. У парня явно были проблемы, а София капала ему на мозги. Вот и вышла ссора, которая закончилась тем, что кавалер попросту сбежал.

У Зины вся эта ситуация кружилась в голове, и тут во второй раз ей действительно повезло: из дверей вышла София и медленно побрела к воротам.

Зина быстро шмыгнула за дом, украдкой наблюдая за девушкой. В отличие от своего кавалера, София шла медленно, тяжело дыша, лицо ее было искажено страданием, она то и дело прижимала к нему детские кулачки, которыми размазывала слезы. Вся ее фигура выражала глубокую скорбь. Зина подумала, что, судя по состоянию девушки, между ними произошло что-то очень серьезное, возможно, они расстались. В любом случае, это было бы закономерно – исходя из того, что Зина успела увидеть.

София поднялась к Манежной, вошла в переулок и пошла вверх, поднимаясь к городу. Зине только это и было надо. В сумке ее, на связке ключей от квартиры и кабинетов в институте, всегда было кое-что прикреплено – то, что ей удалось утаить, а человек, которому она должна была это вернуть, так ничего и не заметил.

Это была универсальная отмычка, которую когда-то, еще в прошлой жизни, Зина брала у следователя Матвеева, в числе других разных. Все остальное она вернула, причем специально занесла ему на работу, чтобы не говорить на личные темы, а вот одну отмычку, универсальную, подходящую ко всем дверям, оставила себе.

Внешне эта отмычка не привлекала внимания – она выглядела как самый обыкновенный ключ, разве что с несколько необычной резьбой. И только одна Зина знала, что это такое на самом деле.

Правда, Виктор, случайно взяв связку ключей Зины, удивился: что за ключ такой странный? Но она сказала, что это от институтской лаборатории. И Барг поверил ей.

Матвеев тоже не заметил пропажи отмычки – он был так расстроен приходом Зины и так пытался обелить себя в ее глазах, что не глядя бросил всю связку в ящик стола.

Но Зина тогда не дала ему говорить на личные темы, хотя и видела, как ему этого хочется. Следователь Матвеев навсегда оставался в той, другой жизни, с ним было покончено.

Таким образом у Крестовской сохранилась эта такая нужная вещь. Мешкать было нельзя. И Зина самым решительным образом вошла во двор, стараясь держаться уверенно, по опыту зная, что уверенность отсекает лишние вопросы и взгляды.

Однако прятаться было не от кого – двор был пуст. Единственный живой обитатель – черный кот, сидящий на ступеньке веранды, лишь слегка скосил на Зину ленивый зеленый глаз.

Она достала из сумочки связку ключей, нашла отмычку и принялась открывать дверь. Отмычка сработала идеально – старая дверь была оснащена таким же старым допотопным советским замком, а с такими справиться никакого труда не представляло. Крестовская распахнула дверь и вошла внутрь.

Она оказалась в узенькой прихожей веранды, одновременно выполнявшей роль кухни. По опыту своей работы на Слободке Зина знала, что во многих старых одесских квартирах вход идет через кухню, хотя это очень неудобно. Похоже, эта квартира не была исключением.

Внутри этой убогой пристройки стоял отвратительный запах гниющих объедков. Зина присмотрелась – единственное окно, выходящее во двор, прикрывала рваная грязная занавеска. Под окном стоял кухонный стол, заваленный грязной посудой и пустыми бутылками из-под вина, водки, пива. Тарелки и миски с остатками соуса и жира возвышались грудой. На некоторых уже развилась плесень.

Такая же картина была в жестяной раковине, притулившейся в углу. Судя по всему, хозяйкой София была не просто плохой, а ужасной, свидетельством тому было все, что Зина увидела.

В общем, не считая чудовищного беспорядка, ничего интересного в кухне не было. Внимательно все осмотрев и преодолев свою брезгливость, Зина вошла в единственную комнату квартиры.

Она была темной, без окон. Аккуратно, осторожно ступая, Зина двинулась вперед. Нашупав на стене выключатель, щелкнула им.

Под потолком ярко загорелся цветастый абажур, освещая убогую обстановку. Большая незастеленная кровать, грязные простыни, подушки в пятнах, одеяла с вырванными клочьями, драные полотенца... На полу разбросаны носильные вещи, тоже явно не первой свежести...

Посередине комнаты стоял стол, покрытый скатертью в жирных пятнах. На нем была уже знакомая Зине картина – гора грязной посуды, объедки, разложенные на газете, пустые бутылки из-под спиртного... В этот раз среди них преобладали из-под шампанского. Было очевидно, что дела у парня шли неплохо.

У стены стоял огромный трехстворчатый шкаф, напротив него – трюмо с зеркалом, засиженным мухами. С отвращением Зина увидела, что оно было уставлено не баночками с парфюмерией, а все теми же грязными тарелками и пустыми бутылками...

Крестовская заглянула в ящики трюмо – ничего интересного: вырезки из газет, мелочь, рваные носки без пары, носовые платки, пустой футляр из-под очков... Ничего, заслуживающего внимания.

Открыла шкаф – в нем висели в основном вещи Софии. И вот по ним было понятно, что парень ее достаточно щедр – там оказалось много новых модельных платьев, понятно, явно сшитых на заказ, стопкой возвышались коробки с обувью.

Вещи кавалера занимали только одну вешалку. Сразу было ясно, что в этой квартире он находится наездами.

С интересом и любопытством Крестовская открыла коробки из-под обуви. В первых трех были туфли с каблуком-стаканчиком, модные ботинки с меховыми отворотами, еще одни вечерние туфли из бархата. Четвертая коробка была заполнена упаковками фильдеперсовых чулок. Очевидно, София тайком приторговывала этим в женском туалете института. Контрабандные чулки явно были работой парня. Зина знала, что такие вещи стоят дорого и очень хорошо продаются.

А вот в пятой коробке ее ждал самый настоящий сюрприз. Там лежала толстая пачка банкнот. От вида ее у Зины просто округлились глаза, она никогда не видела столько денег, кроме того, там была еще небольшая жестяная коробочка с плотно закрывающейся крышкой.

Взяв коробочку в руки, Крестовская почувствовала, как внутри нее что-то затрещало, покатилося. Похоже, там были или монеты, или камни. Не в силах сдержать любопытства, Зина стала открывать коробочку.

Когда же ей удалось снять крышку и рассмотреть содержимое, она просто застыла на месте, не способная ни двинуться, ни сообразить.

В коробочке находились отполированные человеческие кости, явно пальцев рук. Происхождение этих страшных вещей нельзя было спутать ни с чем.

Застыв, Зина молча смотрела и смотрела внутрь коробки, пытаясь понять, что же это такое. Эти кости как две капли воды были похожи на те, что были на амулете – брелоке, который был у Софии. Судя по их состоянию, они были смочены каким-то специальным раствором и отполированы. Как профессионал Зина даже ощущала тонкий и едва уловимый аромат дезинфектора и медицинского раствора.

Эта находка выглядела просто отвратительно. Наконец придя в себя, Зина аккуратно достала две кости и, завернув их в носовой платок, спрятала в свою сумку. Закрyla плотно

коробку, вернула ее на место, в коробку из-под обуви. Оглядевшись еще раз, Крестовская поняла, что больше ничего интересного в квартире нет. Но про себя Зина отметила еще один необычный момент: нигде она не обнаружила документов, никаких, ни парня, ни Софии, ни фальшивых, ни настоящих. Это означало, что их или вообще не было, или они носили их с собой, явно не доверяя этому ненадежному убежищу.

В таком случае почему доверяли человеческие кости? Ведь они были гораздо страшнее всех фальшивых документов вместе взятых. Зина терялась в догадках. Тут было над чем поломать голову.

Потушив свет, она поспешила покинуть эту неопрятную и страшную квартиру.

* * *

– Ты хорошо себя чувствуешь? – Виктор заботливо попытался положить руку Зине на лоб.

Но вместо приятного чувства радости от проявленной заботы она вдруг испытала бесконечное раздражение. Это было большим недостатком совместной жизни – у нее не было времени остаться наедине с собой, все ее чувства и мысли оказывались на виду. И ее страшно раздражала эта необходимость постоянно скрывать свои мысли. Потому что точно знала – Виктор их не одобрит.

– Нет, все в порядке, – она раздраженно уклонилась от его руки и повесила пальто на вешалку. – Устала просто. Замена... была...

– Вид у тебя и вправду уставший, – Барг не спускал с нее пристального взгляда, – и немного растерянный. Не хочешь рассказать?

Крестовская в который раз только диву далась такой пронизательности. Откуда он может знать? Умеет так пристально читать ее мысли?

На мгновение ей вдруг захотелось рассказать ему все – и о слежке, и о страшной комнате, и уж тем более – о своей находке... Было интересно, что скажет Виктор, какие у него соображения на этот счет. Как было бы здорово: заварить чай, включить уютную лампу и говорить, бесконечно говорить вдвоем, обсуждая все детали! И знать, что Виктор ее не осудит – просто не сможет осудить.

Но... Барг был не тем человеком, с которым можно было поделиться всеми деталями этой истории. Он бы ее не понял. Она это точно знала и поэтому прикусила язык. Но от этого вдруг почувствовала страшное раздражение, как будто обманула саму себя. А необходимость носить маску без возможности потерять над собой контроль хоть на 10 минут вновь придавила ее чугунным, страшным грузом.

Зина передернула плечами и села к столу.

– Не о чем говорить. Все хорошо, – бросила.

Ужин был готов. В последнее время Виктор делал это все чаще. Но еда казалась Зине безвкусной, как будто она жует бумагу. А у свежесваренного чая не было ни вкуса, ни аромата.

После ужина она забилась в угол кровати с любимой книгой, всем своим видом давая понять, что не желает, чтобы ее беспокоили. А Виктор украдкой посматривал на нее из-за стола.

Впервые в жизни Зину посетила странная мысль. Ей вдруг подумалось, что все это так странно. Почему люди так идеализируют любовь, неземную страсть? Ведь гораздо ценней чувство понимания, что люди смотрят в одну сторону. Когда они действительно разделяют мысли друг друга, когда наедине им есть о чем поговорить... Когда можно рассказать о том, что ты в шкафу нашел человеческие кости, точно знать, что твой собеседник не упадет в обморок. А возможность и способность дышать в одном направлении значат намного больше, чем миллион сентиментальных высокопарных слов, которые всегда звучат ни о чем...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.